

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СИНЕЕ ПЛАМЯ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

БЕЛЫЙ ОГОНЬ

Синее пламя

Алексей Пехов

Белый огонь

«Автор»

«Автор»

2020

Пехов А. Ю.

Белый огонь / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор»,
2020 — (Синее пламя)

Магия, давно забытая, пробуждается. Все, что считалось истиной сотнями лет, покрывается трещинами. Время Шестерых давно прошло, но остались те, кто помнит ту эпоху. И теперь Шерон из Нимада, указывающей, ставшей некромантом, придется использовать белый огонь, чтобы противостоять тьме.

© Пехов А. Ю., 2020

© Автор, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	32
Глава четвертая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алексей Пехов

Белый огонь

Глава первая

Лисий хвост и...

Тени зыбки. Тени осторожны.

Тени ждут. Тени служат. Тени исполняют приказы. Тени карают. Тени жестоки. Тени – их сила и наша слабость. Мы склоняем головы перед ними и молим о милосердии. Ибо тени – это смерть, которая приходит незаметно.

Из старых легенд Торгового Союза

Пелл, которого в Пубире знали как Пятнистого, мрачно грыз палочки сухого острого мяса, поглядывая из окна на серое море, спокойное и гладкое, похожее на сталь. Оно и есть сталь, если подумать. Появись у Пелла желание сделать шаг в проем, и когда он долетит до воды, разобьется в лепешку – слишком высоко.

Внизу медленно проплывали торговые лодки. Ветра почти не было, и перегруженные корыта ползли с неспешностью умирающей черепахи. Они огибали здания прошлой эпохи, выраставшие прямо из залива: Паука, Хлебный рынок, Семнадцать маяков и конечно же Перст, сердце Ночного клана, довлеющий над всей портовой частью древней столицы Единого королевства.

Вид бесспорно завораживающий, особенно если находиться на верхних этажах. Но сейчас Пелл с удовольствием бы променял вынужденную обзорную площадку на стол возле одного из вонючих городских каналов, кувшин белого пива и котелок раковой похлебки.

Он раздраженно потер щеки, покрытые бледно-голубыми пятнами. Раньше на лице красовалась татуировка каторжника, полученная за разбой на западных трактах Савьята, сейчас худо-бедно сведенная. Почти два года он горбатился, добывая серебро в шахтах Гиблого пояса. Кроме татуировки в награду за свои преступления бандит получил цепи на ноги, ночные колодки и жестокий бич надсмотрщика. Не самая сладкая жизнь, и Пелл обязательно издох бы там, если бы Ночной Клан его не вытащил.

– Дурной сегодня день.

Пелл скосил глаза, на мгновение перестав жевать и задумываясь над словами приятеля. Клот – такой же плечистый громила с перебитым носом, как и он сам, но с рисунком на лице, которым гордился, – апатично развалился на подоконнике, подбрасывая на грязной ладони монету. Старую марку со сточенным краем, таким острым, что ею можно орудовать, точно бритвой. Пускай золото и мягкий металл, но Пелл знал много тех, кому Клот изуродовал лица этой штукой.

Люди опасаются кинжалов и мечей, но совершенно беспечно относятся к безделушкам, которые в опытных руках могут превратиться в самую смерть.

– С чего дурной? – сунув очередной кусок мяса за щеку, не слишком четко произнес Пятнистый. – Шестеро тебе напели?

Бородач пожал плечами.

– Сон приснился. Будто бы я как баран.

– Баран?!

– Ну... будто бы, – неуверенно протянул Клот. – И меня того...

Возникла пауза.

- Зарезали, что ли? – не выдержал Пелл через долгую минуту, не дождавшись ответа.
- Не... Спалили. Вроде. Как.

Пятнистый вздохнул:

– Завязывал бы ты с мутской пылью. Не доведет тебя эта дрянь до добра. То ты час стеклянными глазами смотришь в стенку, то орешь по утрам так, что всех баб в борделе пугаешь, то теперь эти твои сны.

- Да не... просто дурной день.

Спорить с Клотом бесполезно. Особенно когда после порошка, поутру, он ведет себя точно деревенский дурачок.

Золотая марка подлетела, сделала несколько оборотов, сверкнула на мгновение в солнечном луче, слепя левый глаз, плашмя упала на ладонь. Пелл старался не смотреть на нее – она слишком притягивала взгляд блеском, а золото, чего уж скрывать, бывший каторжник любил. Деньги у него не задерживались, он без сожаления спускал их на выпивку, еду, шлюх и красивые вещи.

– Старый кретин что-то слишком нас маринует, – внезапно сказал Клот. – Я сильно удивился, что он выбрался из логова, где трясся над своей задницей. Говорили, он давно сдох и за него правят Золотые.

- Он убьет тебя за такие слова, – предупредил Пятнистый.

- Не... Я баран. Меня спалят.

Пеллу захотелось от души вмазать прямо по роже напарника, так, чтобы костяшки на кулаке закровили, но он сдержался. Толку никакого, а проблем возникнет выше крыши. Клот не из тех, кто не даст сдачи, и дело мгновенно дойдет до ножей, с плачевным результатом для одного из них.

– Шаутт дери такую девку. – Пелл явственно различил в голосе Клота похоть. – Когда-нибудь я прижму ее в тесном углу.

Это заявление прозвучало настолько внезапно, что Пятнистый вообще не понял, о чем сейчас идет речь.

- Ты о ком?

- О бабе в синем платье. Шарлотта.

– При-е-ха-ли. Слушай, есть куда более легкий способ умереть. Мой знакомый торговец из Билгама может продать тебе алую тихоню. Засунешь паука себе в штаны и отделаешься меньшими мучениями.

- Ерунда.

Пятнистый шелкнул пальцами перед носом приятеля:

– Приди в себя. Шарлотта сойка. Как Шрев. Как Лавиани, та, что убила детей Борга. Помнишь ее глаза? Она сгубила на севере несколько десятков человек, которых отправили за ней в погоню. А может, и Шрева с его командой. От них ни слуху ни духу уже больше года, как говорят. Шарлотта и другие, кого мы иногда видим в Персте. Сойка. Сой-ка. Это не податливая девка из кварталов Слоновых Бивней, что ломается лишь для виду. Не шлюхи с поддельными татуировками, развлекающие заезжих моряков, которые потом хвалятся, что их ублажила одна из убийц Ночного Клана. Она настоящая и выпотрошит тебя, точно скотину, а из твоей кожи сошьет себе новую красивую юбку.

Клот сунул монету в карман:

– Она на меня запала, друг, вот увидишь. Все время делает намеки, подмигивает, улыбается, прижимается. Будет моей, клянусь Шестерыми.

Пелл сокрушенно покачал головой. Напарник порой выдавал желаемое за действительное. Буквально на прошлой неделе Клот уверял, что выиграл гору марок на собачьих боях и устроил конфликт с лавами, контролировавшими ставки. Убил двоих, прежде чем понял, что ему почудилось.

Даже пытался извиняться с глупой рожей.

Проклятый порошок жестоко шутит с тем, кто подсаживается на него.

– Походу ты даже не подозреваешь, что тебя ждет.

– Подозреваю. Блаженство. Ага. Ага.

– Блаженство, шаутт тебя задери! Я буду молить Шестерых оказаться в этот момент как можно дальше от тебя. Чего мне только не хватает, так это взбешенной сойки.

– Ты вечно нервничаешь по ерунде, Пятнистый.

Ерунда – это слабый дождик ночью, когда спишь под крышей. Отсутствие плаща на меху в середине жаркого лета. Или даже пропущенный завтрак во время сытного обеда. Озверевшая сойка – это не ерунда. Подобные вещи Пелл считал очень большой проблемой. А что он понял за жизнь – от любых проблем стоит держаться как можно дальше, иначе они утянут тебя за собой в могилу.

– Предупреди меня, – попросил Пятнистый.

– А? – Клоту не понравилось пятно на штанине, и он ковырял его ногтем, пытаясь счистить.

– Предупреди, когда сунешь нос в любимый порошок и решишься цапануть ее за зад. Я постараюсь успеть убежать на другой край Пубира.

В ответ раздалось ржание, словно Пелл отпустил лучшую шутку за год, хотя он совсем не шутил.

Где-то в нутре Перста ударили в огромный гонг, и нарастающий гул пронесся по пустынным коридорам, надавил на уши мягкими ладонями и выскочил в окно. Оба каторжника не сговариваясь встали, подхватили прислоненные к стене тяжелые арбалеты, а Клот взял еще и мешок, лежавший под лавкой. Под тем успело расползтись небольшое темное пятно.

Пройдя несколько залов, залитых солнечным светом, они остановились возле дверей, которые как раз открывались и из помещения выходили люди в объемных бесформенных мантиях и масках быков, свиней и козлов. Оба подручных Борга посторонились, пропуская их, опустили глаза.

Золотые. Сердца Ночного Клана. Люди, обладавшие властью. Деньгами. Влиянием, которое Пеллу и не снилось. Иногда он мечтал достичь такого же положения.

Никто (кроме Борга и некоторых соек) не знал, кто они. Благородные? Мастерские? Трактирщики? Солдаты? Моряки? Мужчины? Женщины?

Скоро они спустятся вниз, сядут в ожидающие их закрытые лодки и уплывут к Хлебному рынку. Там, среди складов, подвалов и древних переходов, они сбросят мантии и снимут маски, смешаются с толпой, станут прежними. Такими, какими их знают другие люди.

И уже к вечеру кто-нибудь из них нальет тебе в таверне пива, проедет мимо на лошади или наорет на стражников, щеголяя новой капитанской кирасой. Пубир – город возможностей. В том числе и для тех, кто связал свою судьбу с Ночным Кланом. И здесь никогда нельзя ошибаться, задирая «нищего», который внезапно может приказать таким, как Пелл и Клот, принести на блюде голову своего обидчика.

Когда Золотые ушли, охрана забрала у мордovorотов арбалеты и ножи. Затем появился унылый тип с тоненькими усиками и жидкой бороденкой, поманив каторжников за собой. Шел он, чуть припадая на левую ногу, напоминая раненую птицу, и Пеллу оставалось только гадать, с чего Борг столько лет держит при себе этого дохляка, разрешая подтирать собственную задницу?

Какой толк от парня, имени которого никто не мог запомнить?

Зал, в который их привели, выглядел неуютно, в грязно-зеленых тонах, под самым потолком узкие окошки. Свет проникал сюда, проходил сквозь линзы, отражался от зеркал, и создавалось впечатление, что архитектор прошлой эпохи разместил свое творение на дне морском.

Эффект усиливали статуи огромных мраморных уин, пытавшихся вырваться из стен, дотянуться перепончатыми руками до проходящих мимо людей.

Пелл всегда чувствовал себя неуютно в этом месте. Его дальние предки покинули Летос, но до сих пор уины в семье считались существами темными, злыми и опасными. Их изображения (не говоря уже о скульптурах) не приветствовались разумными людьми. Ни к чему привлекать внимание детей асторэ, особенно когда кто-то из твоих близких выходит в море.

Борга они не видели больше года, со времен мрачных событий, о которых не принято рассуждать вслух. Но находились те, кто болтал – именно поэтому Пелл знал, что Лавиани сбесилась, перебила до фи́га народу и свалила незнамо куда. С того дня глава Ночного Клана сделал все, чтобы сберечь свою жизнь: устроил за предательницей настоящую охоту, отправив сотни людей, а также несколько соек во главе со Шревом. А сам залег на дно, спрятался в какой-то надежной берлоге.

Говорили, что каждую ночь Борг проводит в новом убежище, что плачет от страха и вздрагивает от каждого шороха. Но Пелл очень сомневался в подобных рассказах. Борг не из трусливых. Ведь трусость и разумная предосторожность – вещи довольно разные. Как бы то ни было, теперь он вернулся в Перст.

Недоброжелатели часто называли Борга недомерком, толстяком, карликом, старой развалиной, но правда заключалась в том, что эти прозвища ему не соответствовали. Он был высок и удивительно крепок для своих семи десятков. В его узловатых руках с большими широкими ладонями до сих пор хватало силы, чтобы ломать кости.

И все же Пелл заметил, что Борг сдал за то время, что он его не видел. Крупное лошадиное лицо осунулось, волос на голове поубавилось, и он стал совершенно по-стариковски двигать челюстью, словно жевал еду.

Борг макал остро отточенное перо в тяжелую серебряную чернильницу, что-то быстро вписывая мелким убористым почерком в толстую книгу с ярко-красным кожаным переплетом. Пелл не умел читать и писать, но любил рассматривать буквы, особенно в тот момент, когда кто-то их создавал, и, не удержавшись, посмотрел на красивые темные завитушки, высыхающие на бледно-желтой бумаге.

Может быть, Борг и сдал, но взгляд у него оставался таким же пронзительным, как и прежде, и Пелл тут же проклял себя за излишнее любопытство.

– Что, Пятнистый? Внезапно познал грамоту? – Голос у Борга был глубокий и гулкий, обладавший словно бы волшебной силой, прижимавшей к земле любого, кто попадал под его власть. И Пелл не являлся исключением. Он не боялся большинства живущих в Пубире, но Борга опасался куда сильнее, чем соек.

– Нет, хозяин. Простите. Просто... красиво получается.

– Красиво... – задумчиво протянул Борг и посмотрел на личного слугу.

Хромой тут же ответил, угадав вопрос:

– Он не выучился читать. Ручаюсь.

Борг подул на страницу, не спуская глаз с каторжника, затем резким движением закрыл книгу. Пятнистый вздрогнул.

– Хорошо. Не люблю, знаешь ли, когда заглядывают в мои бумаги.

– Хозяин, я... – попытался оправдаться тот, но его остановили.

– Хватит! К делу. Как прошло?

Клот приподнял мешок:

– Господин Ру сильно извиняется.

– Неужели? – Борга ничуть не впечатлили извинения. Обычное дело. Перед ним все извинялись, затем падали на колени, прося прощения. Не всем это помогало, но Ру как раз из тех счастливиц, кого не приканчивают без нужды, даже в назидание остальным. В конце кон-

цов, он был курицей, что несет золотые яйца, а резать подобных куриц могут себе позволить исключительно сумасшедшие. – И как решил выкрутиться этот прохвост?

– Мол, очень много выпил и не ведал, что творил. Плакал. Заламывал руки. Говорил, Вэйрэн его попутал. Я сперва...

– Мы сделали так, как вы велели, хозяин, – встрял Пелл, опасаясь, что Клот разоткровенничается и не дай Шестеро заявит, что едва не убил господина Ру, несмотря на приказ его не трогать. Пятнистому пришлось буквально вырывать из рук приятеля почти придушенного торговца. – Донесли до него ваше неудовольствие. Он сказал, что сторонники асторэ его запугали, смутили, окрутили и он сам не помнит, почему решил предоставить им убежище и спрятать от стражников.

– Вы разобрались с ними?

Клот шмыгнул носом.

– Говорят, Вэйрэн наделяет их своей силой. Волшебством. Что они могут становиться невидимыми. Когда мы пришли, они исчезли.

– Надо полагать, растворились в воздухе, пока вы торчали у дверей да стращали Ру, идиоты.

– Их поймали к утру, хозяин. Люди кварталов услышали вашу просьбу. С беглецами всё решили...

– Хорошо, Пятнистый. Но в Пубире есть и другие.

– Их ищут, хозяин. Ру очень помог в описании тех, кто приходил к нему на прошлой неделе. Все они даворцы.

– Эта зараза распространяется слишком стремительно, – проворчал старик, раздраженно хлопнув широкой, точно лопата, ладонью по столешнице. – А я не потерплю в городе, что отдал себя в наши руки, иной веры, кроме веры в Шестерых. Чем Ру решил загладить свою вину?

Клот передал мешок помощнику главы Ночного Клана, тот развязал веревку, заглянул и сообщил с некоторым удивлением в голосе:

– Мясной гриб, хозяин.

Огромные грибы, больше похожие на шматки окровавленной плоти, собирали на самом юге Соланки. Они были довольно редки, быстро портились, и приготовить этот деликатес мог далеко не каждый. Малейшая ошибка – и кухня на долгие недели начинала смердеть, точно в ней разместили пяток утопленников, которые вдосталь пролежали на дне Барабанного канала. Но если все сделать правильно – мясной гриб становился желанным блюдом на столе у любого богатея, разумеется, если тот умел его достать и имелся повар, способный создать из этого оттапливающего нечто отменный деликатес.

Борг обожал такое блюдо, и Ру очень вовремя преподнес продукт, который стоил целую кучу золотых марок.

– Так просто он не отделается. – Несмотря на слова, старик выглядел довольным. – Но он ведь понимает, что этого мало, чтобы я забыл о его глупости?

– Просил передать на словах, хозяин, – промолвил Пелл. – В квартале Каштановой Росы, в особняке, что окнами выходит на Восемь балконов королей, поклоняются Вэйрэну и говорят, что Шестеро недолго пребудут в храмах. Этот дом принадлежит...

– Я знаю, чей он! – хмуро ответил Борг, сцепив пальцы.

Между бровей у него пролегла глубокая складка, думал глава Ночного Клана никуда не спеша, затем налил себе вина из пузатого графина, темно-зеленого и, как видно, тяжелого. Выпил, наконец приняв решение:

– Отправляйтесь к причалу Матерей и ждите.

Клот было открыл рот, чтобы поинтересоваться «чего ждать?», но Пелл, зная, как Борг не любит вопросы, на которые не собирается отвечать, опередил товарища, сказав:

– Сделаем в лучшем виде, хозяин.

Их отпустили легким кивком, и Пятнистый поспешил из неудобного зала, молясь Шестерым, чтобы напарник последовал за ним.

Они в молчании покинули помещение, забрали у охраны свое оружие.

– Какого шаутта? – внезапно пробурчал Клот, когда Пятнистый уже начал думать, что тот позабыл все слова. – Я надеялся, что могу наконец-то заняться своими делами.

– У нас нет своих дел. Только дела Борга. Он за это нам и платит. Хочешь снова заниматься грабежом на лесных трактах? Довольно паршивое занятие.

– Паршивее, чем залезть в дом, принадлежащий Гвинту? Он же проклят!

– Волшебник мертв уже тысячу лет, – напомнил Пелл, хотя в затылок словно холодом подуло. Он подозревал, что эта история выйдет им боком.

– Поди разбери этих волшебников. Может, и мертв. А может, и нет. Они же не люди. Такие же гнусные твари, как шаутты или асторэ, вновь вернувшиеся в наш мир. А даже если мертв – дом-то нет. Сам знаешь, какие слухи о нем ходят в Пубире. Ведь Борг же не отправит нас туда?

Отправит. Если сочтет нужным. И хрен они возразят, коли не желают кормить рыб.

– Поглядим, что он придумает.

– Хозяин – соображает, – с уважением крикнул Клот и всю дорогу вниз, спускаясь сотнями ступеней, беспечно насвистывал, быстро выкинув проблему из головы. По мнению Пелла – слишком уж быстро.

Причал Матерей – самый южный из сорока семи причалов Хлебного рынка, смердел пролитым дегтем. Он был цвета запекшейся крови, выптербленным, с острыми гранями, режущими босые ноги. С завалившейся галереей и статуями, изгаженными чайками, с полузатопленными лестницами, уходящими вниз, скрывающимися в мутной воде, на поверхности которой плавало много мусора, сброшенного с швартующихся торговых лодок. От нее явственно несло гнилым луком и нечистотами.

Пелл терпеть не мог сюда приходить, дышать тяжелой вонью, пачкать ботинки в грязи, чаячем помете, оскальзываться на гнилых овощах, а после, вернувшись в снимаемые комнаты, оплачивать прачку, ванну и мыться, чтобы хоть как-то избавиться от запаха помойки, в которую жители Пубира превратили некогда прекрасную постройку.

Большую часть дня на причале было относительно пусто. Многолюдная толкотня случалась лишь рано утром, когда торговцы Осеннего Рога, самого дальнего прибрежного района, привозили сюда свой товар.

Теперь же здесь оказались лишь пара пьянчуг-грузчиков, уже вдрызг нажравшихся дешевого пойла, некоторые осмеливались именовать вином, да несколько босоногих мальчишек, плевать хотевших на грязь и удивших морских собак – маленьких шипастых полосатых рыбешек, прожорливых, точно оголодавшие львы.

Клот, выгнав из-под навеса, сооруженного из полосатой ткани, местного сторожа и без колебаний растянувшись на несвежем матрасе, заснул. Пелл, с завистью посмотрев на товарища – с блохами он соседствовать не желал – маялся следующие два часа, слушал плеск волн и ходил из угла в угол, точно запертый в клетке зверь.

Когда солнце пошло на убыль, а тени окрепли, из-за острого крыла Хлебного рынка показалась узкая, лакированная восьмивесельная лодка. Она двигалась легко и стремительно, разрезая воду, как дельфиний плавник. Весла поднимались, словно в такт ударам чьего-то сердца. Споро, профессионально, безупречно.

Пелл, выругавшись от облегчения, что наконец-то о них вспомнили, несильно пнул Клота ногой в бедро. Тот резко всхрапнул, распахнул глаза, одновременно хватаясь за висевший на поясе нож, узнал приятеля и протяжно зевнул, скребя спину:

– Шаутт дери... Что так чешется?

– Блохи в старой соломе. Или клопы передают тебе привет, – безжалостно ответил ему Пятнистый. – Шевелись давай. За нами приехали.

Лодка скользнула мимо пирса, и оба громилы, не дожидаясь остановки, спрыгнули на корму, усевшись на лавку, между молчаливых мускулистых гребцов. Они знали порядок, так что ни о чем не спрашивали. Их привезут на место, там все и выяснится.

Пока пересекали огромную гавань, в прошлом бывшую жилыми кварталами Пубира, Клот вновь задремал, а потом и вовсе захрапел. Пелл же мрачно смотрел, как на кораблях суется торговцы, а Пубир, словно неспешный старик, закутывается в длинный плащ, сотканный из тяжелых, острых теней. Они настигали уходящий закатный свет, резали его на части, пересекали и гнали по колоссальной воронке, в которой некогда выстроили город. Прыгали по каскадам кварталов, подминали башни, скрывали балконы и поглощали древние укрепления.

Тени на несколько долгих минут стали главными властителями легендарного города. Но они шарахнулись в стороны и отступили, когда на улицах начали пробуждаться звезды.

Пелл знал их всех.

Одна большая, похожая на желтый бриллиант, пульсировавшая над землей, точно сердце гиганта. Тигриный глаз – самый яркий маяк обитаемого мира, который некогда создала ученица Скованного, Арила Эрсте из Шаруда. Старые моряки, которые давно уже не смеют выходить в море, любят болтать, что возлюбленная Тиона выстроила подобное и в других частях света. То ли семь. То ли двадцать. И что ей помогал Войс, сплетая свой ветер с ее пламенем. Но до нынешних времен дожил лишь один из многих – пубирский маяк.

Остальные огни бывшей столицы Единого королевства существовали задолго до последних великих волшебников. После Катаклизма магия стала слабеть, они гасли один за одним, словно слабое пламя свечей на ураганном ветру, и исчезли почти все. Осталось лишь несколько, явно хранимые Шестерыми, чтобы люди знали, что потеряли в веках.

Тепло-оранжевые, трепетные, они пробуждались на ребристых стелах, стоило лишь солнцу скрыться за горным кряжем, и гасли, когда первые бледно-розовые лучи тянулись из моря.

Четыре сияли в порту.

Девять – дорогим ожерельем протянулись вдоль канала Герцогов.

Три, видимых издали, как и маяк, располагались там, где когда-то находился королевский дворец.

Один – на стене старой заброшенной крепости, в которой обитали лишь дикие мар-тышки.

Два – в море, откуда вырастал Паук. Они двумя тусклыми, едва различимыми пятнами пробивались сквозь толщу воды.

И еще семь, с моря не заметные, прятал за каменными телами домов разросшийся город, но Пятнистый прекрасно помнил, где они находятся. В самых нищих кварталах, в лабиринте тесных вонючих переулков, под нависающими балконами, переходами и спусками в подземные улицы.

Лодка пересекла гавань и, проигнорировав порт, двинулась на юг, вдоль каменистой набережной, к аркам, торчащим из воды, словно китовые ребра. На них были закреплены фонари, чтобы с берега сразу видели, кто приближается.

Квартал Каштановой Росы уже многие века считался городом в городе, где селились самые богатые торговцы: короли шелков, пряностей, специй и древних диковин. Овцы, которых нежно и заботливо стриг Ночной Клан, дабы набивать свои подвалы золотыми марками и пускать деньги в оборот, ссужая их благородным, даря подарки генералам и оплачивая тысячи глаз, ушей, да языков, что верно служили истинным правителям Пубира.

Овец берегли. Овец охраняли. И не допускали к их жилью и семьям тех, кто мог причинить им мало-мальское беспокойство. Обычным горожанам вход в квартал Каштановой Росы

был заказан. Охранники, патрулирующие улицы, не отличались вежливыми манерами и были довольно суровы к чужакам. И Пелл подумал: как поклонники Вэйрэна проникли сюда? Кто позволил?

Впрочем, не его ума дело. Пусть отступников среди жителей ищет Борг.

Чужакам, может, вход и был запрещен, но не Ночному Клану. Узнав лодку, стража подняла решетку, пропуская их внутрь.

Пятнистый привычно толкнул Клота:

– Проснись.

Тот похлопал глазами, огляделся и сказал невпопад:

– Так ведь ночь же. – Подумал и, отойдя от сна, буркнул: – А, шаятт... Точно. Мы же куда-то плыли. Куда мы плыли-то?

Пелл вздохнул, гадая, за что Шестеро его так наказывают. Но, по счастью, отвечать не пришлось. Появилась маленькая пристань, где на пустых бочках сидели трое крепких мужиков в старых кирасах.

Клот вылез первым, зевая и не думая подвинуться, чтобы дать дорогу Пятнистому. Пришлось оттеснить его плечом.

– Наверх, – сказал один из стражников, даже не поднявшись. – Это ваше.

Кивнул на сверток. Клот поднял его, развернул грязную тряпку, достал короткие мечи. Выглядели они не очень, особенно ножны – все потертые и старые. Громила обнажил оружие, придирчиво изучил узкий клинок, попробовал пальцем режущую кромку.

– Ничего так. – Один кинул напарнику, второй начал крепить к своему поясу, рядом с ножом.

Лодка ушла, а бандиты поднялись по лесенке на улицу, которую освещала единственная жаровня с чадающим маслом. От темной стены отделилась тень, остановилась на границе света.

Высокая женщина лет тридцати пяти, статная шатенка с волосами, собранными в две косы, улитками уложенные на голове. Было непривычно видеть ее в светло-серой рубашке с широкими рукавами и коротких штанах точно такого же цвета, да еще и босой.

Чаще всего она щеголяла в платьях с глубоким вырезом и обожала лазоревые кружевные юбки, с разрезами до бедер, по новой моде Соланки. Женщина обращала на себя много мужских взглядов.

Особенно разрезы.

Особенно бедра.

Пелл часто с трудом мог заставить себя отвести глаза, приказывая смотреть лишь на шелковый шейный платок Шарлотты, в ту точку, где находилась круглая турмалиновая брошь, под цвет глаз сойки. Фарфоровая кукла в кружевах частенько ему снилась, но он знал свое место и, в отличие от Клота, не собирался к ней подходить, не говоря уже о том, чтобы трогать.

– За мной. – Голос у нее был хриплый, и Пятнистый подумал, что он совершенно не подходит для подобной оболочки. Это все равно что обнаружить старую ржавчину на прекрасном клинке.

– Можно узнать, что мы должны сделать? – поинтересовался он, не двигаясь с места, и вновь прозвучало, уже гораздо злее:

– За мной.

Конечно, они послушались. Кто хочет спорить с сойкой? Но Клот недоволен и достаточно громко заворчал. А потом, не выдержав, спросил, когда они прошли несколько темных улиц, разминувшись с патрулем стражи, которая их «не заметила».

– Мы чего? Правда полезем в дом Гвинта? Слушай, Шарлотта, это не очень хорошо.

Та посмотрела на них через плечо, не сбавляя шага.

– Ты, мой дружок – собака. А хорошая собака выполняет приказы, а не твякает зазря. Намек понятен?

Прежде чем Клот ответил, Пятнистый негромко произнес:

– Мы делаем то, что прикажет Борг. Но не сможем ничем помочь тебе, если не поймем, чего хозяин от нас ждет.

– Он ждет от вас, чтобы вы слушались меня. А теперь заткнитесь, пока мы не придем.

Минут пятнадцать они кружили в лабиринте проулков, старательно избегая освещенных участков, словно хоть кто-то мог бы их остановить. Когда дорога начала подниматься от моря, забираться вверх, на маленькую гору, застроенную, точно муравейник, древними особняками, скрытыми в садах, Шарлотта сказала:

– Пятнистый. Ты вроде поумнее в вашей паре. Давай вместе подумаем, что мы знаем о доме Гвинта?

– Что он проклят и любой, кто войдет туда, приобретет несчастье на свою задницу.

– Превосходно. – В ее голосе прозвучала насмешка. – Теперь пораскинь мозгами, с чего проповедники Вэйрэна там обосновались?

– Говорят, Вэйрэн обладает силой. Его проповедница, Рукавичка, выжила, когда её про-
ткнули болтом. И убила шауттов. Много шауттов. Почему бы асторэ не дать своим последова-
телям толику силы? Она ведь может защитить от проклятья?

– Вполне неплохо для каторжника, – благосклонно кивнула сойка. – Что-нибудь еще?

– К тому же несчастье на свою задницу они приобрели. Ведь мы... ты идешь туда не просто для того, чтобы пожелать им чудесных дней в Пубире.

Внезапно она оказалась рядом с ним, так, что Пеллу пришлось резко остановиться, чтобы не врезаться в сойку. Шарлотта взяла его за подбородок, и он ощутил, как холодны пальцы, потянула вниз, заставляя смотреть в глаза.

– Удивительно. Ты еще и шутить умеешь. – Смешок ему совсем не понравился, и он мысленно выругал себя, что не сдержал язык за зубами, привлекая к себе лишнее внимание той, кого не стоило.

– А может, они вообще не знали, что дом Гвинта проклят? – предположил Клот, и Пелл с облегчением вздохнул, когда она отпустила его.

– Правда в том, мои дорогие собачки, что никакого проклятья не существует.

Ее заявление заставило бандитов переглянуться.

– Ну. Это. Так чего? Ложь, что ли? Враки? – потрясенно спросил Клот, и на его лице читалась совершенно детская обида.

– Ах, какая прозорливость. – Ее босые ноги двигались абсолютно бесшумно, она все дальше и дальше увлекала напарников в гору, мимо высоких кованых заборов со спящими сливовыми садами, старыми и умирающими, словно бы появившимися из прошлой эпохи. – Это дом Ночного Клана. Иногда в нем кто-то жил. В последние годы – Лавиани. Помните такую?

Разумеется, они помнили.

– А проклятье? – Пелл не позволил сбить себя с толку.

– Этой легенде несколько веков. Быть может, оно и существовало во времена Катаклизма, да давно выветрилось.

– Ты все это говоришь, чтобы мы вошли внутрь? – Клот хмыкнул. – А сама-то небось останешься.

– Экий подозрительный песик, – рассмеялась сойка. – Я это говорю, чтобы твой хвостик не дрожал и ты не испугался первой же тени или стука зубов своего приятеля. Не желаю, чтобы ты засадил ему в живот болт из страха.

– Так что? Мы вместе идем туда?

– Конечно. Борг желает знать, кто поселился там без его разрешения.

Клот внезапно хлопнул себя по лбу.

– А если Лавиани вернулась?!

Теперь уже Шарлотта остановилась и на мгновение прикусила губу, размышляя. Было видно, что о таком варианте она не думала.

– Сомневаюсь, что она вернется. Шрев, Клеро, Квинт и Сегу загнали ее на край мира.

– От них нет вестей, – напомнил Пятнистый. – И уже давно.

– Что же? Ты хочешь сказать, она одна справилась с четверыми? Лавиани та еще крыса, но она не всеильна. И ей незачем возвращаться назад, незачем якшаться с Вэйрэном.

Пелл хотел было сказать, что у беловолосой сойки есть весома причина вновь оказаться в Пубире, он с этой причиной встречался не далее как несколько часов назад. Борг все еще жив, а Пятнистый помнил, что обычно Лавиани доводила дела до конца, за что ее и боялся. Но сказал нейтрально:

– Может, и так.

– Так. За домом наблюдают уже несколько часов. Там мужчины, огонь они разумно не зажигают и сидят тихо. Борг хочет, чтобы мы доставили их ему живыми.

– Ну коли сопротивляться не будут, – улыбнулся Клот.

– Живыми! – от хорошего настроения Шарлотты ничего не осталось. – Ваша задача не дать им убежать. Стреляйте по ногам, если их там много, а я буду занята.

Пелл подумал, что приказать стрелять это, конечно, здорово, но вот попасть во мраке, да еще и в ногу, да так, чтобы не дай Шестеро не перебить артерию... Довольно сложная задача.

– Мы не лучшие стрелки. Мы больше по другим делам. Запугать или там прикончить.

– А этих надо взять живыми и, когда они начнут разбегаться, точно крысы, как случилось с другими, остановить. Ловите их как хотите, хоть сетью, хоть молитвами, но никто не должен удрать, иначе Борг будет зол. И зол не на меня.

Дома разошлись, и перед ними оказался обрушенный временем забор, который никто и не думал восстанавливать. К границам жилья Гвинта, находящегося на самой вершине холма, старались не подходить.

Шарлотта же перешагнула через раскрошившиеся камни и вошла в темный, заросший сад, мягко ступая босыми ногами, не боясь ни змей, ни острых веток, ни колючек. Почти сразу же рядом застрекотала цикада, смолкла, заставив сойку остановиться.

Кусты зашуршали, и Пелл наполовину вытащил меч из ножен, но та показала ему раскрытую ладонь, прося не торопиться с действиями.

Невысокий человек в темной одежде появился рядом с женщиной, сказав тихо:

– Они в доме. Двое или трое. Сидят с середины дня, между собой не разговаривают, огонь не зажигают.

– Не зажигают, значит. Ну и мы не будем, – нехорошо усмехнулась Шарлотта. – Вы наблюдаете за другим выходом?

– Да.

– Не дайте им убежать. Если я не позову, внутрь не входить.

Человек кивнул, скрылся во мраке.

Они прошли через весь сад. Густой, совершенно дикий и немного жутковатый из-за искореженных стволов. В таких местах стоило бы прятаться шауттам, которые, говорят, снова ходят среди людей.

Облака закрыли луну, идти во мраке приходилось осторожно, но Клот все равно споткнулся и обязательно бы грохнулся, не поддержи его Пелл.

– Плохой расклад, – честно сказал Пятнистый. – Ты видишь в темноте, а мы нет. Помощники из нас никудышные. Давай дождемся утра.

Сойка подумала несколько мгновений:

– Арбалеты оставьте. Их не больше трех, я справлюсь сама, просто держитесь позади. И не проткните меня своими железками!

Они расстегнули ремни, сняли висевшие за спинами тяжелые арбалеты, оставили сумки с болтами и обнажили мечи.

Трехэтажный особняк из темного камня, казалось, сам приполз к ним. Вылез из зарослей уродливым калеккой, заставив даже страшные деревья расступиться, тихим скрипом распахнутых ставней приветствуя незваных гостей. За ним плохо следили и выглядел он неважно – весь в трещинах, накренившийся и с «язвами» по стенам, точно прокаженный.

Когда-то он бы великолепен, и великому волшебнику можно было не стыдиться здесь бывать, но все это теперь в далеком прошлом. Ночной Клан латал свое «наследие», но делал это из рук вон плохо, чтобы только не развалилось.

Несмотря на слова сойки, что проклятья не существует, Пятнистый осознал, что ладонь на рукояти меча вспотела. Не так-то просто справиться со страхом и поверить Шарлотте. Он допускал мысль, что она солгала, лишь бы они пошли вместе с ней.

Дверь была заперта, и сойка, показав им жестом остаться, скрылась за углом. Клот сплюнул:

– Дурное место.

Пятнистый ничего не сказал. Во-первых, был согласен. Во-вторых, не хотел, издавать хоть какие-то звуки. Мало ли... кто или что их услышит.

За дверью раздался шорох, и они не сговариваясь отпрянули в разные стороны, прижались к стене, но это оказалась сойка.

– Жди здесь, – тихо прошептала она Клоту. – Ты. За мной.

Пелл, кляня удачу, шагнул в темный зев коридора и резко схватил ее за плечо.

– Дай мне время, женщина! – Он старался говорить едва слышно. – Я даже рук своих не вижу.

Она зло скрипнула зубами, досадуя на эту помеху, но дождалась, когда его глаза привыкнут к мраку, все это время слушая, что происходит в доме. Однако те, кто сейчас находились в нем, затаились, словно мыши, в нору которых пробралась очень опасная куница.

Наконец перед Пеллом проступили очертания холла и стена справа. Он легко стукнул сойку по плечу, говоря тем самым, что они могут идти. Холл, коридор, несколько больших комнат, совершенно пустых, лестница, кладовки, кухня.

Пусто. Везде пусто. Никаких следов пребывания людей. Никакой мебели. Никаких вещей. Не было ни свечей, ни дров. Пятнистый готов был положить голову на плаху, что печь не топили уже очень давно и никто не разжигал очагов и каминов не только сегодня, хотя в Пубире и наступила зима, пускай она и была всегда довольно теплой для этой части материка.

Наверху, прямо над ними, что-то упало, заставив незваных гостей остановиться, но звук больше не повторился. Сойка направилась к лестнице, и Пелл, потя и подозревая неприятности, нехотя поплелся за ней.

Хоть бы пронесло. Если здесь чудовище, то пусть оно схватит эту дурную бабу, утащит на ту сторону, лишь бы его не заметило.

Наверху пахло сыростью и старым, гниющим деревом, а еще капала вода. Непонятно откуда, но это «кап-кап-кап» выводило из себя и... пугало. Пятнистый подумал, что он за пять лет столько не боялся, как за десяток минут, проведенных в доме, имевшем самую дурную славу в Пубире.

Он не увидел, но почувствовал движение за спиной, так, что по коже пробежал холодок от легкого ветра. Шарлотта среагировала мгновенно: ловко проскользнула мимо бандита и прежде, чем он успел опомниться, бесшумно скрылась в поперечном коридоре, оставив Пелла наедине с тьмой.

– Проклятье! – не сдержавшись, произнес он, мучительно размышляя, что делать дальше.

Ему совершенно не улыбалось бродить во мраке в одиночестве. Без сойки он ощутил себя маленьким слепым зверьком, который, куда бы ни пошел, в любом случае забредет в разверзнутую зубастую пасть притаившегося чудовища.

Пелл много времени провел на улицах и знал, как выжить. Поэтому послал все к шауттам, решив выбираться. В сад, к Клоту. А если у него потом спросят, почему он не последовал за сойкой, он что-нибудь наплетет.

Услышал шорох, пошел проверить. Погнался за другим и... оказался в саду. С кем не бывает? Только подальше от этой жуткой хибары, в которой могла жить только психованная Лавиани.

Вниз! Но сперва убрать меч. Эта проклятая железка хороша во время рубки на свободном пространстве, но здесь любой неловкий взмах – и она скорее врежется в стенку, чем в чужую плоть. Тут куда лучше подойдет кое-что другое.

Он потянулся за спину, туда, где на поясе висел отличный, чуть широковатый соланкский нож, но его пальцы хватанули лишь пустоту. В ножнах ничего.

Абсолютно ничего.

За несколько мгновений Пятнистый перебрал в голове несколько вариантов, и ни один ему не понравился. Нет. Он не мог выронить оружие. А значит...

Что-то холодное, словно льдинка, острое, как осиное жало, слабо, но решительно кольнуло его прямо под затылком, и Пелл замер, осторожно отодвинув руку от меча. Тот, кто стоял за спиной, ничего не говорил и не собирался убивать сразу, иначе бы уже сделал это. Всего-то надо надавить сильнее – и нож войдет прямо под основание черепа. Даже не успеешь осознать, что мертв.

Его толкнули в плечо, направляя туда, где совсем недавно скрылась Шарлотта. Пятнистому показалось, что от незнакомца пахнет слабым тлением, застарелой мертвечиной... так слабо, что сперва и не поймешь, отчего так мерзко.

Громила шел, стараясь не торопиться и не давать повода прикончить себя, и холодное маленькое жало ни на мгновение не ослабляло давления. Сторонники Вэйрэна не безобидные овечки.

Пока прошли коридор, рубашка и жилет Пелла насквозь пропитались потом. Комната, в которой они очутились, казалась бесконечной, он не видел стен и решил, что это зал. Такой же пустой и заброшенный, как и все остальные помещения.

– Лучше тебе его отпустить, – раздался из темноты негромкий голос Шарлотты, в котором явственно слышалась угроза.

– Он так ценен? – Тот, кто удерживал жизнь Пятнистого на кончике ножа, сказал первые слова, и его голос сильно удивил бывшего каторжника.

Станный. Тонкий. Высокий. Почти женственный.

– Сегу? – недоверчиво спросила сойка.

– Ну... почти, – рассмеялся тот, но нож от затылка Пелла не убрал.

– Какого шаутта?! Где тебя носило все эти месяцы?! Где Клеро с этим жирным скользким ублюдком? Где Шрев?!

– Гораздо ближе, чем тебе кажется, – раздался новый голос из мрака.

– Вы. Оба. Что изображено у меня на спине?! – внезапно спросила Шарлотта.

– Легкий вопрос, – ответил Шрев. – Лисьи хвосты.

Сегу негромко рассмеялся за спиной Пелла, и острое жало осы наконец-то перестало касаться его шеи.

Глава вторая ...Птичьи перья

Память ненадежна и зыбка, точно облака на небе. Стоит подуть слабому ветру, и они двинутся прочь, изменят форму или вовсе рассеются. То же самое с нашей памятью. Что мы помнили – уходит. И через десятки лет на прошлом лишь мутная пленка, словно на старом зеркале. Не разобрать отражение.

Но я помню. Помню. Мне говорили об этом, пускай все остальные уже забыли. Легенда, что когда-то была реальностью. Континент содрогался от боли. Он пришел раненый, едва живой, пахнувший гарью, кровью и смертью. Его братья и сестры, те, кто не вступил в войну на стороне Тиона или Скованного, последние из великих рыцарей-таувинов, устремились в Пустынь, чтобы сразиться с шауттами и умереть. Он же, устав от войны, отправился на юг, принеся дар в старую столицу королей, отдал свои знания, силу и опыт людям, что не заслуживали доверия. Он учил их, зная, как они используют его способности. И когда спросили его имя, таувин указал на свой щит. Сказал, что имена мертвы с приходом Катаклизма. И теперь он лишь птица. Сойка.

Так и повелось.

«Забывшие легенды Пубира. Том 2»

В рассветном свете, нежно-коралловом и удивительно мягком, Перст казался вырубленным из розовой пушистой пены. Он высился над гаванью совершенно нереальный, словно впитал в себя каждый луч молодого солнца.

Лодка приближалась к нему стремительно, гребцы налегали на весла, будто за ними гнался сам Скованный. Клот опять захрапел, и Пятнистый, не спавший с прошлого утра, завидовал приятелю. Шарлотта сидела на корме, хмурилась после разговора со Шревом, который провела наедине, и оставалось только предполагать, что он ей рассказал. Сегу, в длинном темном плаще с огромным капюшоном, практически не поднимал головы, молчал, и его лица нельзя было разглядеть. Впрочем, Пелл и не пытался. Больно надо лезть к сойке.

Зато Шрева рассмотреть можно было во всех подробностях. Этот-то и не думал прятаться. За всю жизнь бандит видел главу соек три или четыре раза, однако успел запомнить, как тот выглядит. Теперь же он... изменился.

Его кожа стала ярко-алой, бугристой, оплавленной, в застывших жгутах рубцов и плохо заживающей.

Создавалось впечатление, что его сунули головой в камин или же... кто-то попросту содрал с Шрева лицо, и теперь на прежнем месте, израненном и изуродованном, пыталось вырасти новое.

Но не очень-то и успешно.

Справа еще вышло более-менее сносно, а вот левая сторона – без слез не взглянешь. Вместо глаза белое бельмо, ссохшееся и больше похожее на изюм. Нижнее веко оттянуто вниз и все время слезится. От уха осталось одно воспоминание, на его месте какой-то бугорок, да и волос на этой части головы нет – лишь розовая запекшаяся корка. Губа обезображена, искривлена и открывает несколько зубов, отчего создается впечатление, что Шрев постоянно жутко улыбается – скалится, точно череп.

Мерзкое зрелище.

Пятнистый лучше бы согласился провести в колодках ещё пару лет, чем получить такой подарок. Неужели это Лавиани так отделала Шрева? С нее станется.

Пятнистый не понимал, почему Шарлотта приказала им с Клотом плыть вместе с сойками. Зачем они в Персте? Сейчас оба громилы бесполезны, и подобные сопровождающие людям с татуировками на спинах абсолютно не нужны.

Был какой-то подвох. Но какой?

Под ложечкой снова засосало, и стало тревожно от неизвестности. Пятнистый страшно не любил находиться поблизости от соек. Он был исполнительным человеком, делал темную работу и никогда не лез туда, где водилась большая рыба. Теперь же выходило, что он попал сразу между трех акул, а проклятый Клот дрыхнет и даже в ус не дует.

У него были и другие вопросы. Что случилось со Шревом? Где тот пропадал? Почему он вернулся в Пубир, но не пришел к Боргу? И почему они едут к нему сейчас? И как это все связано со сторонниками Вэйрэна?

Они миновали Перст, и Пятнистый удивленно выпрямился – их путь лежал не туда.

– Ты нервничаешь, – сказал Шрев.

Голос-то у него совсем не изменился, в отличие от лица.

– Да, – признал бандит, не видя смысла юлить.

– А твой приятель – нет.

– Ну... – Пелл помедлил, вспоминая сложное слово, которое как-то произнесла Нэ. – У него отсутствует чувство самосохранения.

Он мог поклясться, что Шрев понимающе усмехнулся.

– Расскажи мне о старухе. – Этот вопрос заставил бандита вздрогнуть, и он суеверно подумал: неужели сойка может читать его мысли?! – О Нэ. Шарлотта сказала, что в последние годы ты частый гость у нее.

– Верно, – признал Пятнистый. – Борг, точнее, его помощник передавал для нее записки. Она писала ответы. Мы просто мотались в ее башню и носили почту. Легкая работа.

– Часто вы к ней ходите?

– Когда как. Иногда раз в месяц, иногда каждую неделю. Все зависит от желаний Борга.

– У нее есть помощник, мальчишка.

– Да. Вир. Высокий парень. Ничего о нем не знаю. Почти с ним не говорил. Болтали, что Нэ взяла его с улицы и спрятала под своим крылышком. А до этого он промышлял в Сонных кварталах с бандой мелюзги. Обчищал карманы дуралеев.

Шрев кивнул и больше вопросов не задавал.

Лодка между тем приблизилась к Хлебному рынку, высадив пассажиров на причале Матерей, и Шрев скрыл лицо под капюшоном. Шарлотта уверенно вошла в мрачный зев: квадратный коридор с множеством ответвлений, ведущих к складам, торговым рядам, залам и магазинам. Здесь был мир купцов, двенадцать этажей цен, товаров, отчаянного торга, состояний, долгов, обмана, ценностей и контрабанды, пропитанные запахом специй, пряностей, духов и непонятных порошков, мяса, рыбы, овощей и даже сдохших крыс.

Здесь можно без труда найти вещь, которую нельзя купить нигде в другой части обитаемого мира. Любую редкость. Включая исподнее прежнего герцога, мэлга или даже, чем шутит не шутит, – самого Скованного. Только деньги плати.

На Хлебном рынке легко затеряться, запутаться среди лестниц, каморок, складских помещений и торговых рядов. Легко заблудиться. Легко найти нечто совершенно новое – изящную лестницу, медную колонну, чудесный альков или таинственный бассейн с перламутровой водой, хотя, казалось, ты был здесь сотню раз и знаешь каждый поворот. Легко разбогатеть. И так же легко все потерять. В том числе и жизнь.

Здесь люди жили годами. Десятилетиями. Поколениями. Передавая лавки и магазины по наследству. Создавая семьи. Рождаясь и умирая. Город в городе. Мир галдящих сорок, мудрых воронов, беспечных попугаев и опасных, прячущихся в тенях сов.

Пелл не любил тут бывать. Толчая днем была бесконечной, и от духоты часто начинала болеть голова, а пустых коридоров, в которые можно свернуть с оживленных «улиц», он здраво опасался.

Нет, не потому, что местные крысы всегда зарились на имущество чужаков. Отнюдь. Пятнистый сам кого угодно скрутит в бараний рог. Просто слова о том, что тут легко заблудиться – не пустой звук. Бывали случаи, пропавших, заплутавших в лабиринте, провалившихся в колодцы и застрявших в узких проходах случайно находили через несколько лет.

Он как-то стал свидетелем, когда работники вытаскивали кости одного такого несчастного дуралея, и не желал разделять его судьбу. Вот уж дудки.

Шарлотта же, ничуть не опасаясь, сразу ушла направо, уводя их в неприветливые, темные коридоры, едва освещенные маленькими лампадками, за которыми обычно следили местные мальчишки, но, как всегда присуще мальчишкам, делали это из рук вон плохо. Пелл не заметил момента, когда исчез Сегу – кажется, он вообще не пошел внутрь, оставшись возле лодки. Или затерялся где-то в торговых рядах, до того, как они подошли к лампадам?

– Эта... – протянул Клот и почесал спину. – А куда мы идем?

– Заткнись, – посоветовал ему напарник.

– Да я не жрал со вчерашнего дня, – попытался оправдаться тот, покосился на Шреву и все-таки замолчал. Дошло, что сойке уж точно не до страданий его нутра.

Они поднялись на этаж, прошли, выдерживая кинжальные удары ледяных сквозняков, спустились по какой-то вонявшей мочой лестнице, через пять арок, увитых каменными розами, через драные тряпки, висевшие в проходе вместо занавеси, вновь вышли в многолюдные места, оказались в толчее и заскочили в лавку, торговавшую перьями, чернилами, бумагой и прочей, на взгляд Пятнистого, не очень нужной для жизни ерундой.

Смуглая женщина в мутском платье, складчатом, украшенном яркими цветными пятнами, водила пальцем по строчкам толстенной учетной книги и лишь на мгновение отвлеклась от чтения, бросив на гостей быстрый оценивающий взгляд.

Увидела Шарлотту и вновь занялась чтением. Люди, вошедшие в ее лавку, словно бы здесь и не появлялись.

Сойка провела их в подсобку, где среди нераспакованных тюков с товаром высился заваленный свитками стеллаж. За ним оказалось еще одно помещение, даже не помещение – ниша, в которой едва мог развернуться один человек. Ни Пелл, ни Клот не успели удивиться, когда Шрев оттолкнул Шарлотту в сторону, нажал на скрытую пружину и отодвинул фрагмент стены.

Лицо облизал сквозняк, словно шакал-падальщик смердящий сыростью, старым затхлым погребом и крысиным пометом.

– Там темно, – сказала убийца и кивнула на стену. – Возьмите фонарь и смотрите под ноги.

Три ступеньки и круглый коридор, мягко уходящий вниз, во мрак. По нему было легко идти, даже человеку габаритов Пятнистого. Знал он и куда более узкие проходы и низкие потолки. Впрочем, сейчас его больше беспокоило то, что ему открыли какой-то секретный путь, о котором он знать не должен. Мысли в голову лезли самые дурные.

– Не нервничай, – внезапно произнес Шрев, даже не обернувшись. – Вас ведут не на заклание.

– Заклание? – не понял Клот, но его проигнорировали.

– Ты умеешь читать мысли? – мрачно спросил Пятнистый.

– Просто хорошо понимаю людей. Некоторых из них. – В словах сойки проскользнула насмешка.

Были еще ступеньки. Немного. Пять. Коридор. Затем десять. Коридор. Двенадцать. Двадцать. Но все время они неуклонно спускались сквозь затхлую влажную вонь, и Пелл подумал о том, что, хоть он и потерял ориентацию в пространстве, выходило, сейчас они где-то на самом

«дне» Хлебного рынка, так как по всем прикидкам опустились ниже этажа, который теперь считался первым, поскольку все, что под ним, поглотило море.

Коридор закончился дверью, ведущей в пропасть. Сперва Пятнистый решил, что перед ним колодец (внизу громко плескалась вода и едко пахло горькой солью), но затем поднес фонарь поближе и увидел вертикальную шахту, уводящую вверх. Никаких скоб, чтобы подняться, не было.

– Отойди, – предупредила Шарлотта. – Руку оторвет.

Он поспешно шагнул назад, и через несколько секунд сверху опустилась круглая платформа, закрыв собой колодец. Клот вытаращился на нее, пытаясь понять, как она движется.

– Это что же? – пробормотал громила. – Магия, что ли?

– Магии давно нет, – буркнул Пелл, но заметил, что уродливое лицо Шрева, снявшего капюшон, исказила кривая ухмылка.

– Ты – со мной, – сказала сойка Клоту, ступая на круг, который, вопреки всем ожиданиям, не провалился под ней и не увлек женщину за собой в колодец.

Тот тут же ослабил, подмигнув товарищу, словно говоря: «Понял? Я был прав! Она ко мне равнодушна!» – встал рядом, и они унеслись куда-то вверх.

Пятнистый понял, что им со Шревом предстоит подниматься следующими.

– Куда эта дорога? – На ответ надежды не было.

– В одну из секретных нор Борга. Ты служишь ему?

Почему-то этот невинный вопрос от сойки показался бандиту очень важным, и пришлось постараться подобрать верные слова:

– Я исполняю его приказы, но служу Ночному Клану. Все мы служим ему. Ведь так?

– В той или иной степени, – склонил голову Шрев, и сейчас он не казался Пятнистому страшным, грозным, опасным.

Скорее ироничным, чуть усталым и донельзя любезным. Впрочем, Пелл не заблуждался, понимая, насколько быстро перед ним появится такое же чудовище, как Лавиани. Стоит лишь нарушить правила или разочаровать его.

– И тебе нравится такая жизнь? Быть на побегушках, выбивать зубы у недовольных?

– Мне много не надо, – пожал плечами бывший каторжник. – Я одет, сыт, и на мне нет колодок. Хорошая жизнь.

Сверху опустился круг, и Шрев шагнул первым, сказав:

– Поторопись.

Когда они начали подниматься, то скорость с каждой секундой стала возрастать, стены вокруг замелькали, а уши на мгновение заложило. Пятнистый подумал, что толкни он сейчас сойку на стену, та его обдерет до костей.

Дурацкий механизм. Или магия.

Опасный.

Ощущения от такого движения оказались не из приятных, и он радовался, когда все закончилось.

Они вышли в зал с ребристым потолком, острым и каким-то несуразным. Из стрельчатых окошек лился солнечный свет, и получалось, что они где-то под самой крышей Хлебного рынка, а может, на ней, в одной из отвесных башенок, которые доселе считались недоступными... уже много веков.

– Интересно, шайтт меня заберут! – Клот разглядывал скелет огромного животного с крыльями, установленный на темном базальтовом постаменте, Шарлотта же разговаривала в дальнем конце помещения с людьми, в которых Пятнистый узнал наемников из личной охраны Борга.

– Это ж кошка, что ли? – Товарищ коснулся толстенной почерневшей кости на лапе. – Похожа на кошку. Клычищи-то какие! А крылья-то ей на хрена?

Пелл с интересом изучил неведомую тварь. Подобных он никогда не видел, и вряд ли их кто-то вообще встречал в последнюю тысячу лет. И слава Шестерым, человека она бы сожрала с легкостью.

– Какой только дряни не было до Катаклизма, – сказал бандит. – Хорошо, что все они сдохли.

– Кто они? – не понял Клот.

– Великие волшебники.

– Это великий волшебник?! – вытаращился тот.

Пелл лишь покачал головой, сожалея, что башка напарника с каждым днем все меньше и меньше соображает. Еще месяц приема порошка, и Клот будет напоминать кабачок – у того примерно столько же мыслей, эмоций и рассудка, как у подсевшего на мутскую дрянь.

Громко лязгнул замок на двери, появился давешний тощий хромой субъект, оглядел пришедших, недоверчиво уставился на Шрева, сказав:

– Проходите. Он ждет.

Пятнистый думал, что они останутся в зале, но Шарлотта решительным жестом, который исключал разные трактовки, заставила идти следом. Охранники попытались их разоружить, но сойка с иронией рассмеялась:

– Серьезно?! Когда с Боргом будут две сойки?

– Таковы правила, – несколько неуверенно произнес наемник.

– Правила здесь устанавливаю я. Или же ты хочешь поговорить со Шревом? Так только скажи.

Никому из охраны этого точно не хотелось, и, пожав плечами, громилы отступили в сторону, открыв дорогу.

Комната, в которую они попали, на удивление выглядела простой и скромной. Кровать в углу, небольшой стол с кувшином воды, решетчатое окно, грязно-лиловые каменные стены. Даже удивительно: после прежнего просторного зала попасть в такую... обыденность.

Борг сидел на кровати, в расстегнутой длинной рубаше, с голыми ногами, и сразу становилось понятно, что он спал и этот визит стал для него полной неожиданностью. Глава Ночного Клана смотрел на пришедших с плохо скрываемым раздражением.

Пятнистый прижался спиной к дверному косяку, желая стать как можно незаметнее, что при его росте и внешности в таком маленьком помещении оказалось невыполнимой задачей.

«Какого шаутта мы тут делаем?!» – в очередной раз подумал он.

Борг несколько секунд смотрел на невозмутимое лицо Шрева, затем хрипло спросил:

– Мертва?

– Нет, – последовал спокойный ответ.

Лошадиное лицо Борга налилось кровью:

– Нет, значит, – веско сказал он и шевельнул пальцем.

Хромой помощник подал ему штаны с широкими помочами, и старик оделся, еще больше помрачнев:

– Тогда какой той стороны ты вернулся назад?!

– Не стоит повышать голос, – мягко попросил Шрев, и у Пятнистого от его тона мурашки пробежали по телу. Он очень, просто очень захотел оказаться как можно дальше отсюда.

– Не стоит?! – мгновенно взорвался Борг. – Это была простая работа! Ты сам сказал! Ты взял троих соек и бесконечное количество других людей и ушел на север. И вот теперь, спустя месяцы, возвращаешься с пустыми руками?! Ты заставляешь думать, что бесполезен для Ночного Клана! Сегодня же собирайся и сваливай из Пубира! Найди мне ее!

– Лавиани сейчас не важна.

Борг подавился словами, словно не веря своим ушам, вдохнул, выдохнул несколько раз и спросил свистящим шепотом:

– А что же тогда важно?

– Вэйрэн. Его вера, его последователи, его сила и все, что он может принести Пубиру.

– С этим я могу справиться и без твоего присутствия. Пубир не отвернется от старых богов. Он не придет в этот город, пока я жив.

– В этом-то и проблема, – печально вздохнул глава соек, переглянувшись с Шарлоттой. – Ты стал слишком много решать. Золотые задавлены тобой и делают так, как скажешь. Признаюсь, в этом часть моей вины – я слишком сильно напугал их когда-то, и они превратились в бесполезных кукол. А с ними и Ночной Клан стал похож на жирных успешных торговцев. Нас все чаще игнорируют, все чаще перестают воспринимать серьезно. Свои же люди в других герцогствах. Сойки сбиваются с ног, чтобы решать проблемы и латать дыры, из-за твоей политики мы теряем уважение. Путь торговцев – это дорога в никуда. Я говорил с Золотыми...

– За моей спиной?!

– ...и они согласны с тем, что тебе пора на покой.

Борг свирепо уставился на Шрева, сказал с тихой угрозой:

– Ты забываешься, мальчик.

– Мальчик? То время утекло, старик. Я уже не ребенок, которого нашла Лавиани и учила вместе со своим отпрыском. Но я помню те славные дни. Поэтому слезь с трона и живи, ни в чем не нуждаясь. К тебе будут относиться с уважением.

– Уважение?! – Борг словно выплюнул это слово. – А если не слезу? Что сделаешь? А?

Возникла тяжелая пауза, и Пелл был готов поклясться, что если бы сейчас мимо них пролетела муха, то это был бы самый громкий звук во вселенной.

– Ничего, – нехорошо ухмыльнулся глава Ночного Клана. – Никто из вас. Ни Клеро, ни Краз... никто ничего не сможет мне сделать. Вы не Лавиани.

– Да, – признал Шрев. – К сожалению, мы не Лавиани. В ней был изъян, в нас нет. И поэтому мы не можем причинить тебе вред. Но он-то, в отличие от нас, на это способен.

Шарлотта щелкнула пальцами, и через мгновение в ответ щелкнула тетива арбалета. Звук был, словно кто-то воткнул нож в сырую доску.

Пятнистый, открыв рот, смотрел на болт, по летки засевший в груди Борга. На светлой рубашке быстро расплзлось темное пятно.

– Хо-хо! – сказал Клот, счастливо улыбаясь и опуская разряженное оружие. – Это было легко!

Пелл же, осознав, что произошло, закрыл глаза, понимая: напарник только что шагнул в пропасть и увлек его за собой.

У раковой похлебки был вкус мертвечины, а пиво смердело сгнившей плотью. Пелл морщился от этого дурацкого наваждения и мрачно косился на вечно мутную воду канала. Ему то и дело казалось, что в него целятся из арбалета.

Лопатками чувствовал. Затылком.

Нервный холодок мурашками пробежал по спине, и это заставляло все время вздрагивать, озираться и злиться на себя.

Он не привык бояться.

Между тем Пубир жил своей жизнью и даже не знал о том, что случилось несколько дней назад. А вот Пятнистый знал, а потому продолжал нервничать. Он подумывал оставить город, свалить куда подальше, быть может, в другую страну, да хоть на Летос, лишь бы его не нашли.

Но умом Пелл понимал, что ему далеко до Лавиани и ее способностей. И уж его-то сойки точно найдут. Бегство это признание. Он признается, что боится за свою жизнь, потому что слишком много видел и даже... участвовал, пускай и не сделав ничего значительного.

– Ага! – голос Клота за спиной едва не заставил его вздрогнуть.

Пятнистый с трудом сдержался, лишь скрипнул зубами, наблюдая, как ухмыляющийся товарищ плюхается на стул напротив.

– Чего рожа такая кислая? Хм... – Клот подвинул к себе нетронутую тарелку с похлебкой, потянул носом. – Чего не жрешь? Ну я поем.

Взял ложку, не дожидаясь позволения, начал есть, затем ткнул пальцем в кружку с пивом:

– Тоже не будешь?

– Иди на хрен!

Клот рассмеялся и махнул мальчишке-разносчику:

– Две неси!

Он начал есть, шурясь, когда из-за пасмурных облаков проглядывало солнце и светило ему прямо в глаза. Такие же ошалелые и туманные, как у каждого, кто прошлой ночью сидел на проклятом порошке.

– Ты, придурок, – сказал Пятнистый. – Хотя бы понимаешь, в какую навозную яму засунул не только себя, но и меня?

– Чего? – Удивившись, бандит не донес до рта ложку. – А-а-а. Ты про Борга?

– Тише.

– Да чего ты дергаешься-то? Думаешь, нас прикончат из-за этого? Так уже бы сделали, если бы хотели. Прямо там. Слышал же Шрева. Золотые одобрили, комар носа не подточит.

– Мы – никто. Стоит им решить, что ветер дует не в ту сторону, что мы представляем угрозу, и нам каюк. Исчезнем, и этого не заметят... разве что твой торговец порошком.

– Не рыдай по пустякам. Мы живы. Мы служили не Боргу, а Клану. Клан никуда не делся и теперь станет еще сильнее, как только Золотые выберут нового преемника.

Пятнистый безнадежно махнул рукой, отхлебнул пива и поморщился. Все же весь Пубир сегодня смердит могилой.

– Когда она тебя уговорила?

– Что? А, в смысле прикончить старика? Да когда поднимались на той странной штуке, а ты остался внизу со Шревом. Пообещала мне кой-чего, если я стану послушным. – Он подмигнул.

– Ну и как? Получил, что хотел?

Клот мгновенно скис и посмотрел на дно пустой тарелки, словно это она виновата во всех его бедах:

– Нет. Я пока ее не видел.

– Я же говорю – ты придурок. Нас... – Пелл запнулся и замолчал.

Он заметил на другой стороне улицы человека в длинном плаще с капюшоном, надвинутым на лицо, и узнал наблюдавшего за ними. Сегу, шаутт его задери!

Ладони у Пятнистого сразу же вспотели.

Слишком часто в последнее время рядом начали появляться сойки.

– Это он к нам, что ли?

– Нет, – буркнул Пелл. – К твоей бабушке.

– Так она же давно померла.

– Собирайся... – Бандит встал из-за стола, так и не допив пиво. – И ты платишь.

– Чего это?

– Потому что.

Клот не стал спорить, ворча кинул на стол несколько мелких монеток и одну лично распорочному мальчишке-разносчику.

Сегу, увидев, что гроилы идут, развернулся и направился прочь. Не быстро, но и не медленно. Ни Пелл, ни Клот не стали к нему приближаться, просто следовали за сойкой, все больше и больше углубляясь в тесные кварталы старой части Пубира.

Шарлотта появилась неожиданно, угрем выскользнула из толчеи, все так же босая и одетая не пойми во что. Ее прекрасные волосы были скрыты под темно-серым платком, повязанным на манер моряков. Пелл не удержался и вздрогнул, мгновенно вспотев, и с трудом сдержался, чтобы не отшатнуться в сторону. Но женщина подметила, как он напрягся.

– Дерганный ты какой-то, Пятнистый.

– Ага.

– Боишься меня?

– Я вот не боюсь, – влез Клот, счастливо склабясь.

– Тебя я и не спрашивала! – фыркнула Шарлотта. – Так что, Пятнистый?

– Что у тебя в руке?

Она с ухмылкой повернула правую руку так, что стало видно – вдоль тыльной стороны предплечья сойка удерживает стилет.

– Глазастый. Хотела бы я выпустить из тебя воздух, давно бы уже это сделала. Ты мне неинтересен.

– Тогда куда мы идем?

– К Нэ. Вы ее самые частые гости и знаете башню. И вас знают. Шрев не хочет лишнего внимания и вопросов в свете последних событий. Так что хватит дрожать, словно трусливый кролик, и иди уже спокойно.

Он понял, что Шарлотта лжет. Охранники публичного дома, расположенного на первом этаже башни, прекрасно знают, кто ходит к Нэ. У людей в подобных районах отлично развито чутье, и они не идиоты. Никто бы не посмел остановить одну из любимиц Шрева. Ей не нужны были провожатые.

Не заблудилась бы.

Тогда зачем они ей? Хотят шлепнуть бабку, как это сделали с Боргом? Шлепнуть их руками?

Пятнистый покосился на Клота, тот выглядел как всегда, обычно. То есть словно недалекий полудурок.

Можно было бы спросить у Шарлотты, сказать, что ее слова очень сомнительны, но... слишком рискованно. Она относится к нему равнодушно, однако если сочтет, что он перегибает палку, то будет по меньшей мере больно. Так что к шаутту слова. Лучше Пятнистый помолчит, посмотрит и будет наготове.

До башни Нэ дошли без происшествий. Их не окликали уличные торговцы и не заманивали работавшие шлюхи. Карманники, разумеется, тоже обходили стороной.

Никаких приключений в не самом благополучном районе Пубира. Простая и обыденная дорога, ибо каждый житель узких улиц за лигу ощущал, кого стоит беспокоить, а кого лучше и не замечать.

Крепкие охранники с дубинками глянули на пришедших и тут же потеряли к ним всяческий интерес, позволив войти в двери борделя.

Шарлотта безошибочно свернула на лестницу, проигнорировав бросившуюся к ним управляющую. Начался долгий подъем вверх, который каждый раз заставлял Пятнистого скрежетать зубами и проклинать старуху, что та не могла выбрать для себя более подходящего места в городе.

На своем пути они встретили несколько жильцов: мужчина ухаживал за грядками, поливая их из тяжелого глиняного кувшина; женщина натягивала веревку для сушки белья, таская на спине младенца, завернутого в цветастую простыню; пожилой мужик на табуретке чинил старое копьё; дети пытались поймать залетевшего внутрь голубя, кидая ему кусочки пирожка. И лишь они проводили чужаков заинтересованными взглядами.

Возле двери Нэ, как всегда, валялась груда тряпья, каких-то старых, потемневших от времени ящиков и порванных бумажек. Именно здесь Пятнистый и Клот в последний раз видели ее ученика, высокого парня, зачем-то притащившего старухе обезьяну.

– Мы должны что-то знать, прежде чем войдем? – решился спросить Пелл.

– Никуда не лезь без приказа, – сказал ему стоявший за спиной Сегу.

Пятнистый вновь почувствовал слабый запах тления от сойки и про себя подумал, что смердит от этого придурка хуже, чем от крысы, сдохшей где-то под половицами.

– Ее ученик, – произнесла Шарлотта. – Помните, что Шрев не желает ему вреда. Даже если мальчишка кинется на вас с ножом, не вздумайте его покалечить или убить. Свяжите, так чтобы не дергался, но никакого членовредительства. Клот?

– А?

– Тебе в первую очередь говорю.

– Я и мухи не обижу.

Она с сомнением посмотрела на него, затем постучала в дверь, но ответа не последовало даже спустя несколько минут.

– Парень-то не торопится, – пробормотал Пятнистый. – Эй! Не стоит это того.

Он увидел, что в руках сойки появилось несколько тонких пластинок, назначение которых было известно любому мелкому воришке Пубира.

– Да ну? – спросила Шарлотта, даже не обернувшись, и наклонилась к замку, пробормотав: – Бабушку боишься... смешно.

– Бабушка не дура. Дверь у нее прочная, а замок только для обмана наивных детей. С той стороны несколько засовов. Отмычкой делу не поможешь.

– Тем хуже для двери, – сказала женщина, кладя ладонь на крепкую дубовую поверхность.

Преграда вздрогнула, точно живое существо, и рука сойки провалилась в нее, словно та была нематериальной. Спустя три удара сердца дерево и сталь пошли мелкими трещинами, хрустя, как снег на морозе, а затем преграда рассыпалась мелкими чешуйками, горой оставшимися на полу.

Клот, увидевший способность сойки, распахнул рот. А Пятнистый задумался о том, что все проходит уж слишком резко, без церемоний, и итог посещения башни Нэ предсказать нельзя. А точнее... можно. И ему совсем не нравилось, что повторялась история с Боргом.

Никто не отреагировал на беззастенчивость незваных гостей. Никто не вышел посмотреть, что происходит. Комнаты, где обычно старуха встречала посетителей, оказались пусты.

Из распахнутых окон задувал холодный свежий ветер. Он пробирал до костей, и Пятнистый поежился, прислушиваясь к дому, сейчас показавшемуся ему зловещим. Пол был грязным, на столе стояла неубранная посуда с остатками уже порядком испорченной еды.

Сегу встал возле двери, плечом опершись о косяк, а Шарлотта, осматриваясь, прошла по помещению, заглянула в другое. Ее заинтересовал висевший на спинке стула платок, ткань которого отливала ярко-голубым металлом.

Она осторожно взяла его ловкими пальцами, пробормотав:

– Ну надо же, какие ценности порой можно найти в старом склепе.

Пелл не знал, что такого ценного в обычной тряпке, но с удивлением увидел, как она скрутила платок в маленький валик и сунула за пояс, под рубаху.

– Нэ заметит.

– Плевать.

Это было странно. Все происходящее. К ней не приходят так. Ломая дверь и забирая вещи.

Наверху немелодично и одиноко звякнула струна лютни.

– В доме все же кто-то есть, – хмыкнул Клот, посмотрев на Шарлотту, ожидая ее решения.

– Идем, поздороваемся.

Они поднялись на следующий этаж, и вновь сверху проскрипела струна, словно маня за собой, указывая путь. На кованых лестничных перилах их встретила маленькая птица. Серая, с желтыми полосками на крыльях, она смотрела на людей темными бусинками глаз, а затем, взмахнув крыльями, вылетела в распахнутое окно.

Только ее и видели.

Старую Нэ они нашли в комнатах, куда раньше ни Пятнистый, ни Клот никогда не приходили. Выцветшие портреты неизвестных на стенах, люстра из черного серебра, с потеками воска, пустая птичья клетка с открытой ажурной дверкой, какое-то знамя, серо-золотое с изображением гарцующего барана (Пелл даже представить не мог, кому оно принадлежало, что символизировало и зачем старухе), раскиданные в беспорядке книги, странные колбы, таз, на дне которого застыла кровь.

Нэ, облаченная в темно-серую бесформенную хламиду, сидела в глубоком кресле, держа в руках поцарапанную лютню с единственной струной.

Старуха была такой же, как всегда: седой ежик коротких волос, блеклые глаза не поймешь уже какого цвета, морщины, темные пятна на синевато-прозрачной коже, жесткая складка рта и... рост. Роста Нэ была внушительного и, когда выпрямлялась, оказывалась выше всех женщин, которых когда-либо видел Пелл. Да и выше большинства мужчин, чего уж там. Словно маменька бабки согрешила с гигантом, пускай это племя и вымерло еще в конце прошлой эпохи.

Сухие, кажущиеся хрупкими пальцы старухи коснулись струны, и вновь раздался неприятный и совершенно немелодичный звук.

– Сегодня я думала об одиночестве, – сказала хозяйка башни, и голос ее, странный, все время меняющийся, был слаб и сонен. – Придет ли хоть кто-то в гости? Вспомнит? Долго же вы собирались.

Звук, что исторгла из себя лютня, походил на смех кладбищенского призрака.

– Перестань мучить инструмент, – поморщилась Шарлотта. – Музыкант из тебя неважный.

– В молодости я хорошо играла и пела. Слышала бы ты меня в ту пору. Но все ушло, и мне уже не хочется сочинять баллады. Порой музыка должна умереть, не тревожить прошлое. Ты сломала мою дверь.

– Ты не открывала.

– Твоя правда. Я помню тебя... лисьи хвосты, да? Сколько же времени прошло, когда это случилось? Лет двадцать пять? Ты больше никогда не приходила ко мне.

– Терпеть тебя не могла, – сказала сойка. – Ты из меня все жилы вытянула, пока расписывала спину.

– Знаю, – довольно улыбнулась Нэ, осторожно прислонив лютню к краю кресла. – Но я это делала лишь в качестве наказания за твою провинность.

– Что? – не поняла женщина.

– Дверь, – с гаденькой улыбочкой напомнила ей старуха. – Ты испортила мою дверь, и я сочла возможным устроить тебе превентивное наказание. Хотя... возможно, ты не знаешь значение этого слова.

– Считаешь себя защищенной? – опасно прищурилась сойка.

– Безопасность – это миф. Клетка, в которой ты сидишь какое-то время. Прутья дают иллюзию защищенности, но... и слишком уж ограничивают свободу. Когда ты защищен, ты обычно заперт.

– Поэтому ты выпустила свою птицу? – спросил Клот, пальцем качнув висевшую на цепи клетку.

Нэ, словно только сейчас заметив двух головорезов, важно кивнула:

– Поэтому. Пора нам с ней отправиться в путь.

– Куда же ты собралась? Путешествия в наши времена опасны для одиноких старух, – проронила Шарлотта.

– Опаснее непрошенных гостей?

Повисла тяжелая пауза, и губы старухи прорезала кривая усмешка. Снизу поднялся Сегу, встал у окна, и Нэ, прищурившись, потянула носом воздух:

– О как. Не ожидала, что будет так... интересно. Ну же. Порадуйте, с какими новостями вы пришли в мой дом?

– Борг мертв, – негромко произнесла сойка.

Но на лице старухи не отразилось ни удивления, ни хоть какой-то капли интереса. Скорее досада, что ее беспокоят по столь незначительному поводу.

– И что, эта ерунда стоила мне двери? – язвительно сказала она, нахохлившись, точно птица, которую недавно выпустила из клетки. – Он довольно долго продержался, я думала, что Лавиани справится гораздо раньше.

– Это сделал я! – возмутился Клот, чем заработал пронзительный взгляд Нэ.

– Ты? Ну... с таким же успехом можно было сказать: «Это сделал мой арбалет». Хотя, говоря откровенно, у арбалета мозгов-то поболее, чем у тебя. Ну хорошо. Борг мертв. Невелика трагедия. Главы Клана умирали и раньше. Мне-то что с того? Золотые быстро выберут нового.

– Экая ты зловредная стерва, – хмыкнула Шарлотта.

Последовало едва заметное пожатие плечами:

– Я давно сбилась со счета, кто из тех, кого я знала, умер. Чужая смерть мало трогает меня. Умер и умер. Удачи ему на той стороне. С новостями покончено?

– Где твой ученик?

Нэ презрительно фыркнула:

– Сбежал, полагаю.

– Да ну?

– У любого спроси в квартале. Он не появлялся здесь уже несколько недель. Ни у кого из молодого поколения нет никакого терпения.

– И что ты будешь делать?

– А я что-то должна делать? – буркнула Нэ. – Найду себе нового, если возникнет такое желание.

– Она лжет, – тихо произнес Сегу. – Пахнет ложью.

Нэ хрустнула пальцами, усмехнулась, но ничего не сказала, желая посмотреть, что будет дальше. Пятнистый же вообще ничего не понимал. Зачем они пришли? О чем говорят?

– Шреву нужен мальчик.

– Так пусть зайдет в любой публичный дом или поищет по улицам. Там дюжина за горсть медных монеток. На Бычьей голове свет клином не сошелся.

Шарлотта, не сдерживая раздражения, сказала:

– Хватит корчить из себя дуру! Ты учила его дольше, чем всех остальных! Он знает, как рисовать, больше других.

– Но меньше меня.

– Ты не вечна.

Нэ хихикнула и сказала неожиданно сурово:

– Это мы еще поглядим, Лисий хвост. Возможно, я и тебя переживу.

Пелл увидел, как глаза сойки вспыхнули:

– Считаешь себя настолько важной? Борг мертв, и я с радостью отпущу тебе затрещину.

– Бить старую женщину приятно и безопасно, – одобрительно кивнула Нэ. – Но ты уверена, что оплеуха сделает меня более покладистой? Вира нет. Он ушел, и давно. Хотите, переройте весь Пубир и, если найдете, верните мне его обратно.

– Этого человека нет в городе, – вновь произнес Сегу из-под низко надвинутого на лицо капюшона. – Его придется найти. Вытряси из нее, в какую дыру он спрятался.

Сойка вытащила из кармана штанов кожаные перчатки, натянула на руки, сказав:

– Утешь мое любопытство. Почему Лавиани могла угрожать Боргу, а мы – нет? Я думаю об этом уже несколько лет.

– Да ответ прост на самом деле, – улыбнулась Нэ, внимательно глядя на Сегу. – Главу, его семью, Золотых и их семьи сойкам трогать нельзя. Таков был древний договор между первым таувином и Ночным Кланом. Художники, что пачкают вашу кожу, вносят это в татуировку, и вы... просто не можете ничего сделать.

– Но Лавиани смогла!

– Так я не рисовала ей тех славных бабочек. Это сделал ее учитель, мой бывший ученик, в котором я когда-то сильно ошиблась. Как видно, мальчик посчитал это не важным. Или не нужным. Или... забавным. – Она, хмурясь, задумалась на несколько мгновений и кивнула каким-то своим мыслям. – Да. Итог получился очень смешным. Все стали бегать, прятаться, вопить и... вот мы здесь. Разговариваем друг с другом. Ты правда решила меня бить?

Шарлотта ухмыльнулась:

– Не то чтобы я этого не хотела. Врать не стану. Но немного опасаясь, что перестараюсь, если увлекусь. Кости у тебя хрупкие, того и гляди помрешь. Так что легко откажусь от подобного. Просто скажи, где мальчишка.

– Могу я подумать? Хм... пожалуй, ничего тебе не скажу. Мне не нравишься ни ты, ни твой вонючий спутник. Убирайтесь, пока целы!

Шарлотта, потеряв терпение, кинулась к креслу, и ее руки сомкнулись на горле старухи.

– Думаешь, я здесь шутки шучу?! Упрямая дура!

Нэ хотела что-то сказать, но лишь сдавленно просипела, даже не став бороться. Только смотрела в лицо напавшей на нее, быстро синяя.

– Хватит! – Пятнистый, будь у него время, сам бы удивился своему поступку. – Хватит! Слышишь?!

Сойка зло обернулась в его сторону, в ее глазах вспыхнуло нечто такое, что заставило Пелла не хватать женщину за плечо. И, осторожно подбирая слова, он сказал:

– Ты убьешь ее, а Шрев вряд ли этого хочет. И подумай, что будет, если она умрет? Ее ценят в этих кварталах. Ты уверена, что сможешь покинуть их, если все жители выйдут на улицы?

– Они не осмелятся!

– Это Пубир. Они осмелятся. Нэ заботится о них десятки лет, и такое без причины не спустят даже Ночному Клану.

Сойка выругалась, разжала пальцы, и Нэ с сипением втянула в себя воздух, а затем заплакала, закрыв лицо большими ладонями.

– Еще раз осмелишься мне помешать... – Шарлотта шагнула к Пятнистому и внезапно остановилась, как и громила поняв, что старуха отнюдь не плачет, а смеется.

Все так же скрывая лицо в ладонях, глядя на них через раздвинутые пальцы, она тряслась от хохота, и Пелл решил, что старая бабка окончательно тронулась умом.

– Ох, – сказала она, качая головой и утирая слезящиеся глаза. – Где же я так ошиблась? Вроде все было в моей власти, надо лишь найти правильных людей, но... вокруг были одни выродки. Урод за уродом... вы только искажали дар. Делали его хуже, с каждым поколением забираясь все дальше во мрак. Вы все одинаковые. Ущербные. Больные. Без капли света в сердцах. И вот закономерный итог: жалкая старуха осталась перед разбитым корытом. Восстановить былое не вышло. Подумать только, до чего я докатилась.

Она одним движением, слишком быстрым для ее возраста, поднялась с кресла, сразу же став выше всех в комнате.

– Сидела бы ты... – посоветовал ей Клот, с угрозой сжав кулаки.

Но она не обратила на него ровным счетом никакого внимания, смотря на Шарлотту.

– Худшее, что ты могла придумать, прийти в мой дом с этим. – Сухой палец, точно копье, ткнул в сторону Сегу. – С каких пор сойки на побегушках у шауттов?

Пятнистый не поверил, но все равно устался на невозмутимого помощника Шрева.

– Где мальчишка, старая дура? – негромко спросил тот, даже не пошевелившись. – Где то, что ты отдала ему? Ясно... Женщина, выбей из упрямцы дух. Она бесполезна для нас.

Шарлотта вновь шагнула к старухе, и бледные губы Нэ с презрением скривились:

– Глупцы никогда не могут остановиться вовремя.

Она потянула завязку, мешковатый балахон соскользнул с нее, обнажая, и Пелл остался с разинутым ртом. Он даже не обратил внимания на наготу хозяйки башни, но смотрел во все глаза. Нэ оказалась пятнистой, словно какая-то лань из алагорских степей, и глазам всех присутствующих потребовалась пара секунд, чтобы понять, что странные пятна, покрывающие ее тело, исключая голову, шею и кисти рук – это татуировка.

Птица. Светло-коричневая, даже рыжая, с бледно-голубыми перьями на крыльях. Изображений было так много и находились они столь близко друг к другу, что сливались в одну сплошную картинку, расплывались, казались живыми, и одна из пташек, встретившись с Пятнистым взглядом, игриво подмигнула ему.

– Шестеро меня заberi! – охнул он потрясенно. – Да это же...

Клот опомнился первым, и его арбалет громко щелкнул. Короткий болт с широким накопником с противным звуком вошел старухе под левое нижнее ребро. Этот удар должен был отбросить ее назад, но Нэ лишь вздрогнула, хладнокровно выдернула из себя стрелу, в раздражении отшвырнула в сторону и... что-то сделала.

Серо-золотое знамя, точно живое, сорвалось со стены, упало на напарника Пятнистого, оплело его, спеленав по рукам и ногам. Пелл хотел броситься на помощь и застыл, увидев на ткани барана и вспомнив недавний разговор в Персте. Спустя миг стяг вспыхнул, и ревущее пламя лизнуло высокий потолок, заглушив надсадный человеческий вой.

Клот побежал не разбирая дороги, едва не сбил в последний момент отскочившую Шарлотту и огненным шаром вывалился в распахнутое окно, полетев вниз, навстречу далекой земле.

Но не это испугало Пятнистого, а то, что пламя было ярко-синего цвета.

Сойка что-то сделала, взвыл горячий ветер, ее силуэт размазлся, и вокруг Нэ полыхнуло бледно-серым. Старуха шевельнула рукой, словно отмахивалась от мухи, впечатав Шарлотту в шкаф.

Та проломила доски, рухнула, снося полки, и все содержимое огромного дубового хранилища обрушилось на нее водопадом баракла, пыли, порошка, книг и каких-то искрящихся минералов.

Пелл больше не смотрел. Он не желал здесь оставаться, а уж тем более сражаться с тем, чего не понимал и что его пугало. Сегу, как самый умный, уже исчез, не став помогать своей напарнице.

Пятнистый буквально скатился по лестнице, а наверху продолжало грохотать и выть, словно туда пришла та сторона во всей своей тьме. Сойка рвался на улицу, но пустой проем выбитой двери закрывал щит, сотканный из багряных, грозно мерцающих искр, преграждающий путь к дальнейшему бегству.

Капюшона на голове у Сегу уже не было, и Пелл наконец-то разглядел его лицо. Бледно-серое, с пятнами начавшегося, но так и не продолжившегося разложения, отрезанным носом, губами, ушами, изрубленными кинжалом щеками и зеркальными глазами, невеста как уцелевшими на изуродованном кинжалом лице, и зеркальными глазами.

Пятнистый, теперь понимая, почему пламя горело синим и кто перед ним, заорал и отшатнулся. Споткнулся о табурет, растянулся на полу и тут же вскочил, чувствуя, что намокают штаны.

Шаутт шагнул к нему, сказав иным, многоголосьем голосом, словно эхо:

– Некуда бежать.

И в этот момент между ними упало нечто.

Они оба уставились на эту непонятную бесформенную вещь, блеклую, с каплями крови, алой изнанкой и непонятными клочками. Забыв о демоне, находящемся от него всего в десяти ярдах, и без того шокированный бандит разглядел на странном материале рисунок – лисий хвост.

Перед ним была Шарлотта. А точнее, ее содранная кожа.

– Куда это ты собрался? Я вроде тебя не отпускала.

Нэ, как и прежде голышом, неспешно спускалась вниз, осторожно ступая большими ступнями, а ее птицы-татуировки жили своей жизнью, и тысячи глазок следили за незваными гостями так, что по спине побежали мурашки.

– Я... – проблеял Пятнистый, но старуха насмешливо хмыкнула.

– Ты? Ты тут лишний. Проваливай, пока я не передумала.

Дверь была все так же закрыта, и Пятнистый, которого не надо было просить дважды, кинулся мимо Нэ наверх, как можно дальше от страшного человека и нелюди.

Во рту было кисло. Пелл, давно избавившийся от остатка завтрака, мрачно сплюнул и вытер застрявшую в бороде слюну рукавом непонятно где успевшей порваться рубахи. Бандита мутило, он сам не понимал отчего, но тот ужас, что сковал его при появлении шаутта, липким комком застрял где-то в желудке и то и дело рвался наружу.

Пятнистый тихо застонал от подступающей дурноты, прислушиваясь к тому, что происходит внизу. Убежав сюда и спрятавшись в маленьком закутке, совершенно не казавшемся ему безопасным, он не слышал ничего. Не было ни грохота, ни молний, ни ужасного воя.

Если там, внизу, шел бой, то происходил он в абсолютной тишине.

Случившееся потрясло его. Безобидная старуха с бесконечной татуировкой, смерть Клота и Шарлотты, шаутт, прятаясь в теле Сегу. Легенды ожили на его глазах, легенды зловещие, недружелюбные, и он не желал оставаться свидетелем дальнейших событий.

Шрев? Во тьму Шрева, Золотых и весь Ночной Клан! Пятнистый не собирался возвращаться и рассказывать о том, что здесь произошло. О нет. Он достаточно умен, чтобы этого не делать, и сейчас просчитывал, куда стоит бежать и насколько далеко такое место может быть от Пубира.

Прошло уже довольно много времени, но к нему так никто и не поднялся. Это могло означать что угодно. Например, и старуха и шаутт погибли. Или же кто-то один, а другой ушел. Или же... поджидает Пятнистого.

От последних мыслей у него мурашки пробежали по коже и вновь вернулась дурнота.

– Что ты как трусливая девка? – с яростью прошипел он себе под нос и, решив, что нельзя больше здесь торчать, ибо на одном месте он ничего не высидит, начал двигаться к выходу.

Теперь его заставлял потеть каждый звук, который он издавал. Слишком громкое дыхание, стук сердца, шорох одежды, шаги. Когда мимо распахнутого окна пролетел голубь, Пелл дернулся, локтем задел грязную чашку, и та противно звякнула. Он скрипнул зубами, полагая, что звон услышали на другом конце Пубира.

Замер, прислушиваясь, и простоял так больше минуты, но никто не пришел.

Лестница, вот ведь странность, всего лишь полчаса назад Пятнистый этого не замечал, скрипела при каждом шаге, и он молил ее заткнуться, помолчать хоть немного, не выдавать его.

Комната, в которой они встретили Нэ, разгромлена, а весь потолок испачкан кровью. Хотя прошло уже много времени с тех пор, рубиновые капли, тягуче, словно патока, продолжали падать с потолка, стуча по полу, столешнице, креслу и раздавленной ударом лютне.

В дальнем углу лежало нечто красное, голое, похожее не то на червя, не то на только что рожденного крысеныша. Тело Шарлотты.

На этаж ниже, потом еще. Нэ отсутствовала, впрочем, как и шаутт. На полу расплзлось темное пятно, блестящее, чем-то похожее на ртуть. Он никогда не видел такого, так что с опаской, по стеночке обошел, едва не наступив на содранную кожу, и оказался рядом с выходом.

За спиной тихо и странно булькнуло, бандит подскочил, хватаясь за нож, крутанулся и увидел, что красный, истекающий кровью обрубок, раньше бывший грозной сойкой, неуклюже ползет по ступеням.

Шарлотта издала горловой звук, словно желала исторгнуть из себя клубок змей, затем громко всхлипнула и проскулила:

– Помоги. Не бросай!

Он заколебался. Она все равно не жалец, даже со всеми своими способностями, живучестью и силой. Но ее плечи вздрагивали от слез, и ему не хватило жесткости, чтобы бросить умирающую.

Коря себя за это, Пятнистый вернулся назад и склонился над ней, стараясь скрыть отвращение.

– Эй. Я приведу помощь. – Он не решился коснуться открытой плоти. – Держись.

Ее рука цепким крабом вцепилась Пеллу в лодыжку, так сильно, что он вскрикнул от боли, пошатнулся и, чтобы не упасть назад, спиной, схватился за перила.

Шарлотта резко подняла голову, он увидел зеркальные глаза, а затем шаутт, успевший сбежать из тела Сегу и спрятавшийся в теле сойки, сказал:

– Ты уже очень мне помог.

Глава третья

ПЕС

В слезах пришла ученица к старой учительнице и, заплакав у нее на плече, сказала:

– Он обещал всегда быть со мной! Оставаться верным! Честным! И выполнять любые мои желания. Любить! Но он обманул меня! Бросил! Ушел к другой!

– Таков закон жизни, – утешила ее старуха, глядя по спине. – Некоторые люди уходят от нас. Кто-то раньше, а кто-то позже. Мы не всегда можем их остановить и вернуть. А порой и не должны этого делать.

– Я презираю жизнь! – в сердцах вскричала девушка.

– Ты еще слишком молода и не понимаешь ее красоты, – печально вздохнула старуха.

И ученица не понимала, плача днями и ночами. Жалея себя и ненавидя его. Но настал день, когда он ушел на ту сторону, и учительница вернула его своей ученице. Привела к ней и отдала в подарок.

– Он всегда будет с тобой, – сказала тзамас. – Останется верным. Честным. И станет выполнять любые твои желания.

– А любить? Любить он меня будет?

– Нет, Дакрас, – покачала головой старуха. – Мертвые не умеют любить. Лишь ненавидеть.

Старая сказка прежней эпохи

Рот был полон слюны, и Лавиани, не отрывая взгляда от своей цели, сплюнула, не преминув сказать:

– Рыба полосатая!

Гнездо, находящееся на высоком каменистом карнизе, манило ее, как только может манить золото жадин. До сумасшествия. До тряски. До навязчивой идеи.

Она знала, что там, в гнезде, ее ждут птичьи яйца. Можно сказать, рыдают несуществующими слезами, тоскуя без внимания сойки. И Лавиани, как человек сердобольный, собиралась выполнить их слезную мольбу и вытащить из гнезда.

Только-только светало, все вокруг было неярким, тусклым, словно засыпанным желтовато-серой пылью. Этот оттенок давала пустыня, и, стоя на самом гребне высокого бархана, сойка видела, как пока еще не злое солнце лениво швыряло спицы-лучи из-за горизонта.

До Мандариновых утесов оставалась пара часов, но туаре устали, и пришлось остановиться под защитой единственного на много лиг каменного утеса, даровавшего путникам благословенную тень.

– Рыба полосатая! – вновь пробормотала Лавиани, думая о том, как ее достало это проклятое путешествие через мертвую Феннефат.

А на материке еще кто-то смеет жаловаться на Летос! Сойка с уверенностью могла сказать, что родной Нимад, место тихое, безопасное и невероятно приятное для любого, кто хоть когда-либо оказывался в Карифе и отходил на лигу от стен Эльвата.

Эта пустыня, жара, песок, твари из пылевой бури, даираты, пересохшие колодцы, призраки, воющие звездными ночами, и ядовитые гадины порядком ей приелись. Она с радостью бы отправила их всех на ту сторону, будь у нее подобные возможности.

Ну что уж тут мечтать о том, что никогда не осуществится. Следовало опираться на более приземленные цели. На мечты, которые она могла бы реализовать вот прямо сейчас.

Птичьи яйца. Да. Именно они занимали ее с тех самых минут, когда их маленький караван из двух лохматых туаре прошел мимо и сойка заметила гнездо.

И теперь, когда стоянка для дневного отдыха подготовлена, она могла добраться до еды, если постараться.

Если очень-очень постараться. И... использовать способности.

Разум шептал ей, что трата татуировки ради такой малости нерациональна, что это глупое ребячество, но... плевать Лавиани хотела на разум. Пускай рисунки только-только вернулись к ней на лопатку после той кровавой ночи, когда возвратился Тэо, ей до смерти хотелось птичьих яиц, которых она не ела со времен, как прибыла за Шерон в столицу Карифа.

Примерившись еще раз, женщина прикинула путь и сожгла одну из своих бабочек, прыгнув с гребня бархана вперед и вверх, вытянувшись в струну. Пролетев расстояние, непреодолимое для обычного человека, она уцепилась пальцами за небольшой выступ, подтянулась и сразу же закинула ногу, прижимаясь к шершавой поверхности.

Она опасно балансировала там, где большинство бы уже загремели вниз и не собрали костей. Лезть оставалось примерно три ярда, и Лавиани с осторожностью преодолела этот путь, едва не опустив руку на маленького янтарного скорпиона, сидевшего возле расщелины. Сбросила его резким щелчком, оказавшись быстрее проворного хвоста с жалом, уже собиравшегося ткнуть незваную гостью.

– Тоже мне охранничек, – пробормотала она и склонилась над гнездом.

Три яйца. Чуть меньше куриных, пестрые и странно вытянутые. Лавиани подумала, что, должно быть, здесь обитают птицы, плевать хотевшие на жару и палящие солнечные лучи.

Она не собиралась рисковать, убирать добытое в сумку, чтобы полакомиться в лагере. Разбить их во время спуска, а потом прыжка на гребень бархана сойка не желала и потому, держась за скалу лишь одной рукой да ногами, выпила все три яйца, одно за другим, радуясь, что успела до того момента, как те превратились в птенцов.

Спуститься обратно было делом техники, хотя она и ободрала предплечья об острые каменные ребра и в раздражении зашипела на себя за неловкость. Прыгнула, извернувшись в воздухе и ловко приземлилась на склон, не обращая внимания на загудевшие ноги. Песок мягко дрогнул и потек из-под подошв ботинок.

Ей хотелось петь, что для Лавиани было само по себе странным выражением хорошего настроения, и сойке пришлось задуматься над этим. А затем глупо хихикнуть.

– Что, забери меня тьма, происходит? – изумилась она своему поведению и расхохоталась пуще прежнего.

Уморительно смешно!

Соображала сойка всегда быстро и легко сложила два и два, придя к осознанию печального результата. В следующую минуту она избавлялась от столь дорого доставшихся птичьих яиц, а после в несколько глотков осушила флягу и распрощалась с только что выпитой водой.

Затем сидела на гребне бархана, мрачная, но все еще периодически разбираемая совершенно неадекватным хохотом, ощущая, что возникшее в желудке внезапное онемение исчезает точно так же, как появилось.

– Проклятые птахи! – зло сплюнула она. – Проклятые карифские птахи! Я уже всем сердцем ненавижу это герцогство и всех, кто в нем обитает.

Бархан под ней мягко вздохнул, словно живое существо.

– Да вы издеваетесь, что ли?! – задала Лавиани вопрос Шестерым, которые вряд ли могли ее слышать.

Между тем наклонная поверхность пришла в движение, и находившаяся на самом верху сойка уже через несколько секунд очутилась гораздо ниже.

– Рыба полосатая! – крикнула она в пространство и бросилась параллельно склону, желая забраться обратно и не оказаться погребенной под песком.

Тот жадно хватал женщину за ноги, они утопали в нем, точно в вязком болоте, пришлось бежать едва ли не на четвереньках, словно обезьяна. Поняв, что уже не успеет, что ее вот-вот перемелет этой огромной массой, в которой каждая песчинка, точно наждак, сдерет плоть с костей, и Тэо с Шерон никогда в жизни не выкопают их из-под этого завала – она потратила еще одну способность. Бабочка исчезла, и ускорившаяся сойка переместилась на каменистую площадку, избежав опасной осыпи.

Лавиани тут же натянула на лицо обмотанный вокруг шеи клетчатый платок и, закрыв глаза, пережидала, когда осядет повисшая в воздухе проклятущая охряная пыль. Внезапно ее сильно и требовательно дернули за лодыжку. Так сильно, что она едва не потеряла равновесие и не грохнулась оземь. Извернулась, выдергивая ногу из хвата, и пнула не глядя, здраво полагая, что никто из ее спутников не позволил бы с ней подобную шутку.

В плотной желтой дымке она увидела несколько поднимающихся изможденных фигур. Еще больше их копошилось в бархане, на том месте, где песок сполз, обнажив то, что скрывалось под ним.

– Проклятье, Шерон! Проклятье! Опять! – выругалась сойка, отступая от мертвых, пока еще сонных и мало понимающих, что рядом с ними дармовое мясо.

Они походили на ящериц, застигнутых порывом ледяного ветра, застывших, а теперь, когда выглянуло солнце, начавших оттаивать.

Ей хватило одного взгляда, чтобы сообразить – эти пролежали здесь довольно давно и отправились на ту сторону не во время последнего ирифи. Гораздо раньше. Право, умей она сопереживать незнакомцам, обязательно бы сделала это. Караван погиб всего лишь в одном переходе от обжитых земель, руку протяни – и вот уже берег моря.

Но им не повезло, как не повезет Лавиани через пару минут, когда они поднимутся на ноги.

Она без суеты отступила назад, обнажив нож, оценивая, как все пойдет. Если ее прижмут к утесу, обойдя с флангов – быть беде. Да и те, что копошились на вершине бархана, попадают ей на голову, точно переспелые финики. В лагерь она возвращаться не собиралась – еще чего! Привести следом за собой толпу прожорливых покойников это просто верх возможной глупости. Неизвестно, сколько Шерон понадобится времени, чтобы их утихомирить. Тэо спит уже который день, Бланка почти беспомощна, что бы там ни мнила о себе эта благородная леди. А ездовые звери... если они потеряют туаре, то оставшийся путь придется преодолевать пешком.

И тот самый злосчастный ночной переход растянется на трое суток...

Так что у убийцы Ночного Клана возникла вполне здравая, на ее взгляд, идея.

В двухстах ярдах отсюда был обрыв в каньон – и падать вниз довольно далеко. Не настолько, чтобы убить покойника, но вполне достаточно, чтобы обезопасить лагерь и эти твари не вернулись обратно. На ее счастье, мертвые пока не научились лазать по отвесным стенам.

– Вы, ребята, не особо проворны. – Лавиани оценивающе посмотрела на ближайших, уже почуявших ее. – Но со всей сворой я точно не справлюсь. А вот покидать вас вниз поодиночке вполне смогу.

Что с ними будет потом и кто на них наткнется в не самый приятный для себя день – ей было плевать. Право, Лавиани не из тех людей, кто думает о незнакомцах, шастающих по Феннефат. Раз сунулся в это мертвое место, будь готов встретиться с... мертвыми. На ее взгляд, совершенно логичный итог для любого дурака, пожелавшего покинуть безопасный дом и отправившегося искать себе приключений на задницу.

Она сложила губы, тихо свистнула, привлекая к себе внимание тех, кто еще не заметил, не почувствовал ее. Мертвые двинулись в сторону человека, и шли они лениво, не так проворно, как другие, оживленные силой Шерон.

Тем лучше для Лавиани.

Все еще размышляя о проклятых птичьих яйцах, едва ее не убивших, сойка отправилась к обрыву, то и дело оглядываясь – идут ли за ней?

Конечно же шли.

Темно-коричневая толпа высохших, точно изюм, тел в цветастых пыльных тряпках, звякая оружием, ковыляла, как увечные нищие Рионы. Разве что деревянными кружками не трясли, требуя мелочь во благо Шестерых. Песок на бархане за их спинами снова пришел в движение, и появилась вытянутая голова на длинной шее.

– Рыба полосатая, Шерон! – сквозь зубы пробормотала Лавиани.

Она без проблем могла спихнуть вниз человека, даже если он больше и тяжелее ее, но как сбросить целого туаре?! Чтобы справиться с тварью такого размера, потребуется катапульта, а Лавиани, стоит признаться, не захватила ее с собой, убегая из Эльвата. Не имела такой привычки, таскать в кармане осадное орудие.

Один из мертвецов внезапно оторвался от бредущей группы, ускорился, скаля желтые зубы, и кинулся на нее. Сойка встретила его хладнокровным тычком раскрытой ладони в грудь, отталкивая от себя, а затем быстрым ударом ножа. Несмотря на всю свою остроту, оружие, выкованное кузнецом прошлого, не смогло перерубить шею. Пришлось постараться, чтобы рассечь позвонки.

Покойник упал на четвереньки, его башка болталась на уцелевшем фрагменте мышц, стуча по плечу.

– Никакого уважения к пожилой безобидной женщине, – проворчала сойка, напоследок поддав покойника ногой, вымещая на нем дурное настроение.

К этому моменту туаре уже полностью выбрался из бархана, однако, на ее счастье, остался на месте, не заинтересовавшись человеком.

Пока не заинтересовавшись.

Зато песок продолжал подозрительное движение и, кажется, собирался выплюнуть на свет весь торговый караван, погребенный ирифи.

До обрыва оставалось совсем немного, она уже видела его ребристый край и сожалела, что вокруг лишь низкие колючие кусты. Будь у нее палка, скидывать этих тварей вниз стало бы сущим удовольствием. А так Лавиани придется быть осторожной, не попадаться под их зубы и желательно растянуть вереницу жаждущих ее плоти, чтобы разбираться с каждым поодиночке.

В этот момент мертвецы повалились на землю, точно сговорились между собой.

Сойка хмыкнула, глядя на них и на туаре, постепенно сползающего по склону бархана к каменистому утесу. Никто не подавал признаков жизни или... не-жизни. Все еще ожидая какого-нибудь подвоха, ибо мир ими полон, как та сторона шауттами, она осталась на месте, выжидая.

Шерон появилась из-за камней, присела над одним из погибших караванщиков, печально покачала головой, а затем направилась к Лавиани.

– Извини, – сказала она. – Не знала, что ты здесь будешь.

– Ты снова потеряла контроль? В тот раз, во время выюги, были волки. А теперь уже кое-кто поинтереснее.

– Я пытаюсь учиться, как ты и настаивала, – возразила девушка. – Сегодня решила проверить одну из схем в книге, но когда поняла, что тебя нет в лагере... Вот, успела прежде, чем что-то серьезное действительно случилось. С той зимней ночи я постоянно настороже и больше не допускала таких ошибок. Зачем ты сюда пришла?

Лавиани почувствовала горечь во рту и, испытывая все то же раздражение, буркнула:

– Желала полакомиться птичьими яйцами, но они оказались... не слишком съедобными.

– Оперение у птицы ярко-красное? – прищурилась Шерон.

– Тьма ее знает. Не видела. А что?

– У герцога Карифа большая библиотека, и пока я скучала у него в гостях, читала. В том числе и о тех, кто населяет Феннефат. Здесь немало таких, чье мясо смертельно ядовито. Как и яйца. Ты точно хорошо себя чувствуешь?

Сойка лишь отмахнулась.

– Меня не убьет какая-то курица! Девочка, скажи лучше, а ты видела свои волосы?

Она протянула руку и коснулась белой пряди, появившейся в темно-русых волосах указывающей. Настолько белой, что та искрилась, словно жила серебра, выброшенная на поверхность земли. Или молния, появившаяся в сумеречном небе.

– Заметила, когда рассвело. Это то, о чем пишет Дакрас. Люди, касающиеся дара некромантии, меняются. Их глаза и волосы светлеют.

– Ты не особо опечалена.

– Внешние изменения – это малая цена за те способности, что помогли нам выжить в даирате. Идем в лагерь, смотри, солнце поднялось над горизонтом.

Женщины направились обратно, огибая тела погибших. Лавиани мысленно дала себе обещание, что чуть позже, когда ее никто не будет видеть, она вернется и пороется в их смердящих карманах. А может быть, и седельных сумках дохлых туаре, чем шаутт не шутит.

Она до сих пор жалела, что не успела осмотреть всех мертвецов каравана госпожи Ай Шуль, так как спутники слишком торопились убраться из гиблого места после недельного буйства ирифи. А там, Лавиани в этом уверена, нашлось бы много ценных вещей, которые пригодятся в долгом путешествии, надо было только немного отрыть песок. Но в итоге они уходили в спешке.

Из всего каравана выжили лишь туаре, Лавиани и Шерон взяли двоих, погрузив на них еду, небольшой шатер (вот его как раз пришлось откапывать) и воду, а остальных сердобольная Шерон отпустила на все четыре стороны, перерезав путы, связывающие их ноги.

– Получается, некроманты выглядят похожими друг на друга? – полюбопытствовала сойка.

– Так говорится в книге. «Белые, как соль, выступившая на поверхности мертвых земель». И там нет ни слова о том, о чем предупреждал меня Мильвио – что магия некроманта может пожрать личность. Сломать ее. Перековать. Сделать иной. Вот этого я боюсь. Что дар совершит нечто угодное ему, а не мне. И «я» прежняя навсегда исчезну. Забуду, какой была, и стану считать правильными вещи, которые раньше казались мне совсем неверными. Или отвратительными.

Лавиани равнодушно хмыкнула:

– Изменения – часть жизни.

– Ты же понимаешь, о чем я?

– Понимаю... Ждешь утешения? Я не очень-то на это способна. Так что утешать не буду. Твоя сила в знаниях, именно ради этого я и моталась через половину мира, чтобы добыть тебе книгу. Изучи ее. И научись.

– Это довольно непросто.

– Без учителя? Возможно. Только выбора у тебя нет, девочка. Все мы учимся, и всем тяжело. Некроманту, убийце и даже какому-нибудь сапожнику. Это труд и работа. Работа и труд. Учись. Я сделала для тебя все, что могла. И сделаю больше, если случится то, чего ты боишься.

Повисло молчание, но наконец Шерон спросила:

– Убьешь меня, если сойду с ума?

– Убью, – кивнула Лавиани. – Примерно это же я когда-то обещала Тэо. Это то, что я умею делать хорошо. Но, возможно, если ты разберешься с книгой, мне не придется поступать так, как я не хочу.

– Ценю твою честность. – Девушка склонила голову. – Значит, мы договорились.

Тихо застучали камушки, катящиеся из-под чьих-то сапог, и сойка, положив руку на нож, повернулась в сторону пришедшего.

Высокий бритоголовый мужчина с аккуратной бородкой, в карифской одежде, при сабле, у него была смуглая кожа уроженца этих мест, привыкшего ходить по пустыне, знавшего ее, а глаза казались темными и... пустыми.

Мертвыми.

Он стоял и смотрел на них, не шевелясь, и Лавиани, сплюнув (сегодня это уже стало для нее привычкой), мрачно изрекла:

– Я все понимаю, но почему он до сих пор не завонял на такой-то жаре?

Шерон скользнула взглядом по Ярелу, человеку, который так желал убить указывающую, но в итоге стал верным молчаливым слугой, повинаясь ее желаниям.

– Потому что это неудобно и непрактично. Особенно если можно избежать без усилий.

– Ты планируешь избавиться от него? – За все время пути сойка ни разу не спрашивала о планах спутницы касательно карифца и теперь сочла, что время пришло.

Ярел был точно ручной пес, впрочем, отличаясь от собаки тем, что не имел привязанности, эмоций и желаний. Никаких желаний, кроме тех, что были у его хозяйки. Он послушно исполнял любые приказы: носил тяжелые вещи, ставил шатер, разжигал огонь, охранял их лагерь.

– В свое время.

– И оно настанет?..

– Довольно скоро. Он удобен. Никто из нас не делает лишнюю работу, сохраняет силы. Вот. Видишь. Это именно то, о чем я говорила.

– А? – не поняла сойка, с трудом оторвав взгляд от лица воина, на котором не было никаких эмоций.

– «Он удобен». Шерон из Нимада никогда бы не сказала таких слов о мертвом. Не стала бы использовать его. Сочла подобное кощунством. Преступлением перед законами Шестерых.

– Твоя Дакрас пишет, что один из Шестерых сам был... ну или была некромантом, – проворчала Лавиани. – Уверена, уж эти-то волшебники смотрели на мир сквозь пальцы, иначе бы никакого Катаклизма не случилось. Ладно. Надеюсь, сегодня мы все же дождемся ночи и наконец-то доберемся до берега Лунного залива. Это треклятое путешествие от Эльвата длится слишком долго даже для такого терпеливого существа, как я.

Бланка встречала их возле шатра, настороженно повернув голову с плотной повязкой, скрывавшей пустые глазницы. Ставшая грязной от желтой пыли сумка, с которой она не расставалась, была перекинута через грудь, ляпка врезалась в плечо.

Сперва она услышала их шаги, затем женщины вошли в ее круг «зрения».

– Что там произошло? – с тревогой спросила госпожа Эрбет.

Лавиани пробурчала нечто невнятное, сочтя, что подобного объяснения вполне достаточно, и пошла искать фляги с водой.

– Небольшое недоразумение. Мертвые ожили.

«Взгляд» Бланки метнулся к Ярелу.

– Каким ты его видишь? – внезапно поинтересовалась Шерон. – Какой он?

Та вновь села на расстеленный в тени утеса ковер, убрала волосы, упавшие на щеки, произнесла, пробуя каждое слово на вкус:

– Его можно спутать с предметом. Плотные нити. Но, если приглядеться, за ними – белое мерцание. Одна часть пряжи от него идет к тебе, оплетает твою левую руку. Ты как кукловод, а другие... куда уходят другие, я не вижу, слишком далеко отсюда, и я не рискую расширять свои... хм... горизонты. Но подозреваю, что заканчиваются они на той стороне.

– Той стороне? – эхом спросила Шерон.

– Я так чувствую. Вот здесь. – Женщина приложила ладонь к своему телу. – В желудке, словно холодком дует. Как в башне мертвых, где мы прятались.

Шерон вспомнила, как Бланка, сама того не желая, пробила брешь на ту сторону. Тьма, расплзающаяся среди костей, пожирающая тьму ночную, и медные волосы, которые вырывала из своей головы благородная, чтобы неким образом сшить реальность, вернуть ее в изначальное состояние.

Лавиани еще во время бури, оставшись с Шерон наедине среди старых саркофагов, вновь потребовала забрать у спутницы «эту гадкую штуку» и спрятать куда подальше.

– Сейчас не время, – сказала тогда указывающая.

– Ты еще пожалеешь об этом, – посулила сойка. – Она ведь до сих пор не знает, что это такое. Но ты-то! Мерзкая вещь, часть доспеха Вэйрэна, дрянь, из-за которой началась Война Гнева. Ну ты помнишь, да? Великие волшебники перемерли, магия ушла, Катаклизм, Единое королевство и куча покойников. А потом Тэо получил метку из-за нее, и шаутты вернулись. Нет? Послушай меня, я предлагаю разумный выход из крайне дурной ситуации. Ведь когда мы доберемся до побережья и отправимся в Риону, то поплывем через Лунный залив, а потом и через Жемчужное море. Очень долгий путь. И очень далекое дно где-то там, под нами. Пучина, куда не опускаются даже уины, не говоря уже о рыбацких сетях. Никто ее никогда не достанет. Не лучше ли Ариле навсегда упокоиться среди медуз да крабов?

Указывающая на мгновение задумалась и ответила:

– Скованный...

– Вот! – Лавиани ткнула пальцем в мрачный потолок, прислушиваясь к тому, как уже третий день за стенами даирата безумствует дикий ветер. – Вот именно! Хранил! И сохранился! Арила ее нашла. Потом Тион пошел мстить и...

– Тион уже пытался спрятать ее. Помнишь?

– Ну в умственных способностях Тиона я сомневаюсь, – проворчала сойка, и выражение ее лица говорило, что она-то поумнее всяких великих волшебников. – Такие вещи следует прятать не в земле, на которой потом появятся новые города, а на дне.

– Полагаю, их бесполезно прятать, – возразила ей Шерон. – Они, как бы это сказать, всплывают. Ты покинула Летос слишком рано, а я прожила на берегу моря всю жизнь. Во время шторма оно выбрасывает на берег и более тяжелые и странные предметы, чем маленькая статуэтка. Возможно, это случится не сразу, а через сто лет или тысячу, но случится. Уверена. В конце концов, эту вещь создали шаутты.

– Тем больше поводов от нее избавиться раз и навсегда. К тому же тысяча лет – отличная цифра, как по мне. Нас уже не станет, пусть другие ломают голову, что делать.

– Мильвио так не поступил. Хотя ты говорила с ним, убеждала. Помнишь?

Лавиани скривилась.

– Фламинго еще более упертый, чем ты. Что взять с южанина? Теперь он далеко, а Бланка – вот она. Руку протяни. И меня подобное соседство очень беспокоит.

– Почему ты не доверишь ей?

К своему удивлению, сойка задумалась, прежде чем ответить, хотя сначала хотела просто отмахнуться «потому что нет», без всяких лишних объяснений. Лавиани вообще не очень любила объяснять, а сегодня она уже наговорила на неделю вперед:

– Хм... мое мнение не изменилось, пусть слепая и дралась на нашей стороне. Я ведь пару дней назад уже говорила, что люди, подобные ей, преследуют только свои интересы, и мы просто выгодные спутники. Пока. Появится возможность сбежать вместе со статуэткой, полагаю, она сразу же ею воспользуется. Ну... – Лавиани ухмыльнулась. – Я бы поступила именно так. Но пока ей некуда бежать, особенно если благородная не хочет остаться в пустыне, где солнце высушит ее мозг прямо через черепушку. Меня беспокоят ее умения. Или неумения. Она не врет, когда говорит, что не знает, как управляться с этими самыми нитями. Делает все

по наитию, а хуже наития ничего нет. Это все равно что дать факел безумцу, впихнуть его на склад с черным горючим маслом да надеяться на удачу. Повезет ему или нет? Лелеять свою надежду можно до бесконечности, но скорее всего – не повезет. Потому что факел, черное масло и безумец – крайне взрывоопасное сочетание. Бланка хуже безумца.

Сойка потянула носом воздух, пахнувший холодом, тлением и костяной пылью.

– Чуть что, – последовал резкий щелчок пальцами, – и ирифи за окном. А ирифи – сулла. И с ними еще какая-нибудь напасть. Так что ты следи за ней сама. Посади на цепь, привяжи к своей лодыжке, но глаз не спускай, иначе в шатре станет тесно от каких-нибудь шауттов. А справляться с демонами тяжеловато для моего возраста.

С того разговора прошло уже полторы недели, в одиночку они добирались до перевала гораздо дольше, чем если бы шли вместе с караваном Ай Шуль, погибшим под стенами древнего кладбища. Но «факел» не «поджег» «масло». И теперь Бланка, слишком загорелая и сильно похудевшая, сидела перед Шерон, никого не отправив во тьму.

– Спасибо, – внезапно сказала госпожа Эрбет, глядя в сторону. – Я так и не поблагодарила тебя.

– За что?

– Ты почувствовала, что я умираю, и спасла меня.

– Я была вместе с Лавиани.

Бланка помолчала и произнесла с тихим смешком:

– Придется и ее поблагодарить, раз так. Полагаю, она будет довольна.

Шерон, вопреки желанию, негромко рассмеялась. Села рядом. Они были два совершенно непохожих человека. Разные внешне, разные по происхождению и воспитанию. Но в последнее время часто беседовали друг с другом, и помощь госпожи Эрбет в переводе книги старой тзамас оказалась неизмеримо ценна.

– Пожалуйста. Но ты вряд ли мне что-то должна. Тогда ты выручала Мильвио.

Рыжеволосая скупо кивнула.

– Когда нити стали рваться, тьма расплзалась... и почти пожрала его. Я не знаю где. Далеко. На севере. Или западе. Там... Я соткала мост для него, а вокруг исчезали нити. Сотни. Тысячи. Умирал целый город.

По спине Шерон пробежали мурашки. Хотела бы она знать, что случилось. Хотела бы быть уверена, что с Мильвио все в порядке.

Они продолжили путь, едва стемнело. Бросили шатер и весь скарб, не став грузить его на туаре, теряя время. Мандариновые утесы – высокие скалы с плоскими верхушками – приняли маленький караван в свои безучастные объятия, пригласили в зияющее ущелье, сухое и тихое. По нему звери начали подъем, то и дело гортанно вскрикивая, нюхая воздух, чуя, что их путь наконец-то подходит к концу.

Перевал венчала корона из каменных зубьев, в которой никто бы не узнал останки сторожевой башни, построенной еще в прошлую эпоху. Сотни звезд мерцали, наблюдая за теми, кто прошел путь по забытому тракту Колодцев Бидумне Эль-Ман. Они бросили вызов Феннефат и выиграли у нее, не остались среди песков, скал, курганов, древних становищ, в царстве пекла и жажды.

Им удалось то, что у многих не получилось.

Спуск был относительно легким, пусть ущелье и сжалось, больше напоминая трещину в ореховой скорлупе, чем путь. В какой-то момент сойка, правившая туаре с помощью жезла, увенчанного крюком, довольно улыбнулась. Внизу, под лапами зверей тихо и неуверенно зажурчала вода. Слабый робкий ручеек едва шептал, ныряя под бесконечные камни, но стоило

им оказаться ниже, и он начал звенеть вполне уверенно. И этот звук был точно мед для ушей странников.

Вода означала жизнь и надежду.

Ущелье раздалось, и Шерон, держась за балку навеса, установленного на спине зверя, привстала, вдыхая полной грудью. Пахло живой землей. Той, что пропитана влагой, на которой могли взойти злаки. Щедро. Пьяняще. Одурающе. А еще ночными цветами, душистыми, ароматными и нежными. И морем. Благоухание, что наполняло ее легкие настоящим концентрированным счастьем.

После долгих дней через душное пекло – эти новые ощущения были настоящим волшебством.

Далеко впереди и внизу – на широкой полосе земли между кряжами и морем, матово блестящем в свете умирающей луны, растянулась вдоль побережья мерцающая цепочка огней.

Город.

Лавиани победно улыбалась:

– Зевут. Мы добрались. Ай Шуль говорила, что здесь есть корабли и мы сможем уплыть.

– Не слишком он большой, – с сомнением произнесла Шерон, привыкшая к огромному Эльвату. – Корабли?

– Это море. Конечно, не такое, как на нашей родине. Здесь в каждой деревушке есть корабли. Ну... или лодки, похожие на корабли. Море кормит людей. Море дает возможность заработать. В том числе и незаконно. Всегда найдется дырявое корыто, которое можно нанять за звонкую монету.

На лице указывающей проступило сомнение, и Лавиани раздраженно процедила:

– Если не будет судна, то я вырублю все пальмы, кустарник, разберу каждый из домов и построю плот. Отправлюсь вплавь, коли надо. Но как можно дальше от этого герцогства. Нас здесь не больно-то жалуют.

Об этом Шерон помнила и на всякий случай обернулась назад. Второй туаре величаво брел за ними, везя на спине Бланку и Тэо.

– Мы должны все хорошенько обсудить, прежде чем идти в город. Нам нужен план.

Лавиани стукнула туаре жезлом, тот негодующее всхрипнул, но послушно остановился, медленно опустившись на брюхо.

– Ждите здесь, – сказала сойка, спускаясь по веревочной лестнице. – Я осмотрюсь и вернусь.

– Как скоро?

– Ждите! – повторила она и поспешила по каменистой дороге вниз, через обработанные поля, к городу.

Дом, в который привела их Лавиани, язык бы не повернулся назвать жильем.

Он стоял возле самого берега, заброшенный, укрытый густыми колючими зарослями кустарника, ветви которого пригибались к земле от темно-лиловых ягод. Шерон, держащая Бланку под локоть, и не заметила бы прохода в рассветных сумерках, если бы Лавиани не указала, где свернуть.

Стены строения оказались сделаны из глины, стекла отсутствовали, дверь тоже. Крыша частично обвалилась внутрь, сгнила, а оставшийся край, едва способный давать тень, держался исключительно на честном слове.

Никакой мебели, на грязном полу лишь сухая солома, и девушка, опасаясь змей или скорпионов, наступала на нее с опаской. Над головой слабо гудело – под самым потолком висело большое осиное гнездо.

– Они не против новых постояльцев, – произнесла Лавиани и мрачно уставилась на Ярела, который по приказу Шерон нес на вытянутых руках так и не проснувшегося Тэо.

Шерон негромко щелкнула пальцами, и мертвый слуга герцога Карифа положил акробата на указанное ею место.

Бланка покрутила головой, не выказывая никаких эмоций. Сойка лишь фыркнула:

– Не дом твоего муженька?

– Гораздо уютнее, – ровным тоном ответила рыжеволосая, садясь прямо на пол.

– Да ну? – подозрительно прищурилась убийца Ночного Клана.

– Конечно. Здесь же нет его.

– Хм.

Госпожа Эрбет рискнула снять лямку сумки с плеча, сунула туда руку, достала флягу, вытащила пробку, напилась и протянула Шерон, но та слабо покачала головой.

– Скоро нас настигнут... серьезные проблемы. – Фляга скрылась в сумке.

– Это не вопрос. – Сойка плевать хотела, что ей воды не предложили.

– Нет, Лавиани. Это утверждение. Вы не убили, просто бросили туаре, а они не полевые мыши. Заметные звери, редкие и дорогие. Их увидят.

– Увидят, – согласилась сойка. – Туаре из каравана, с клеймом на шкурах, с вещами, но без седоков. Ай Шуль приходит сюда не первый год, и что же подумают местные? Был ирифи, караван пропал, но эти животные выжили и пришли к людям. Этого им достаточно. Никто не пойдет в пустыню, чтобы разыскивать погибших, и пока новости по побережью доберутся до тех, кто нас преследует – мы уже исчезнем. А может, и не доберутся никакие новости. Туаре стоят дорого, и для такой дыры они – целое состояние. Проще уж забрать себе, да продать где-нибудь, не привлекая внимания. В конце концов, мы в городе контрабандистов. Так что я полагаю, разговоров будет гораздо меньше, чем если бы мы въехали на туаре в центр города. Вот тогда бы нам точно не избежать множества вопросов.

– И все же... Если люди герцога бросились за нами в погоню через пустыню, то могут ждать и здесь. И будут знать, что мы прибыли.

– Город слишком мал, – хмыкнула Лавиани, – таких в Карифе предостаточно. Вряд ли нас могут поджидать в каждом из множества мелких поселений. Скорее уж станут искать на северной границе. Если бы ты могла посмотреть на карту, то увидела, что в Зевут мы прошли редкой тропой. Обычно чтобы попасть сюда от Эльвата, надо подняться к Дагевару, а затем спуститься вдоль побережья вниз. Или же поспешить на юг до Эльгана и уже после идти сюда. Любой вестовой будет добираться в такую дыру еще лишние две недели. Даже когда Ярел догадался, каким путем мы отправились, и решил пойти напрямик, и пусть он отправил других в обход – у нас большая фора.

Она высунулась в окно, посмотрела на светлеющее небо.

– Здесь окраина города. Никого, кроме коз и птиц. Я проверила, следов нет, значит, сюда не приходят, место надежное, и мы не привлечем внимания. Сейчас раннее утро, ветер дует от берега, лодки должны уйти в море. К вечеру схожу в город, поищу тех, кто сможет увезти нас на запад, и вернусь за вами.

Когда Шерон впервые увидела это море, то села прямо на горячий, мелкий, сахарно-белый песок и беззвучно заплакала.

– Все хорошо? – Бланка ступала с осторожностью и встала у нее за спиной, глядя на блики солнца на гладкой водной поверхности и не замечая их.

– Да. Конечно да. – Указывающая вытерла слезы тыльной стороной ладони, улыбнулась. – Я не была рядом с морем два года и соскучилась, хотя и ждала другого.

– Другого? – не поняла госпожа Эрбет, чуть склонив голову.

– Оно из сказки. Из книг, что я читала ночами в Нимаде. Из мира, в котором я никогда не должна была побывать. Лишь мечтать о неведомых землях и море, что не жестоко с теми, кто живет на его берегах. И теперь оно передо мной, но радости я испытываю мало.

– Обычное дело, – ровным тоном сказала Бланка. – Когда мечты исполняются, в них склонны разочаровываться. Твой муж ведь погиб в море?

– Воды вокруг Нимада жестоки, а Летос суровый край. – Она быстро поднялась и направилась к дому, слыша, как приятно шелестят волны, призывая остаться рядом.

Лавиани ушла не прощаясь, оставила после себя расстеленное и примятое одеяло, на котором валялась несколько часов, отвечая односложно и раздраженно. Затем и вовсе отвернувшись к стене. Настроение у нее было не самым лучшим.

Тэо спал. Это был странный, глубокий и болезненный сон, который прерывался раз в три дня лишь для того, чтобы он успел напиться и поесть. Все началось почти сразу после того, как Лавиани привела его в даират, и Шерон не знала, когда закончится.

Она многого не знала. Что случилось с акробатом за эти месяцы? Где он был? Чему смог научиться? Победил ли свою болезнь? Стал ли тем, кем должен стать? Как их нашел? Требовалось время, чтобы получить ответы, и она готова ждать.

Опустившись перед ним, девушка взглянула в кажущееся бескровным лицо и с грустью подумала, что он, как и она, изменился с момента их первой встречи. Исчез тот юный, наивный, веселый молодой человек. Черты сделались более суровыми. Резче и... жестче.

Он загорел, как и они все, скулы выступили под кожей, волосы отросли и начали кудрявиться, а глаза запали. И губы как будто истончились. Лишь когда акробат улыбался и в его светло-ореховых глазах появлялись знакомые искорки, Тэо становился прежним.

Шерон осторожно приподняла его голову, пристроила на коленях и не менее аккуратно напоила из фляги, стараясь не проливать воду. Бланка к этому времени вернулась, села прямо под осиным гнездом, слушая тихий гул насекомых, вылетающих на улицу через отсутствующее окно и возвращавшихся обратно.

Указывающая закатала рукав на левой руке Тэо, хмурясь, изучила прозрачную точно стекло кожу, алые жгуты мышц, искры, струящиеся по сосудам предплечья. Что же, гораздо лучше, чем полторы недели назад, когда из каждой поры сочилась густая, почти черная кровь.

Рубашку снимать сегодня не стала, зная, что там все без изменений: странная кожа захватывала предплечье, плечо и лопатку, а знак водоворота такой же четкий, как и всегда, но больше не меняется – остается таким, как она видела его последний раз в Шой-ри-Тэй-ране. Было еще одно изменение: рука канатоходца стала тоньше, словно немного высохла, пальцы – длиннее, а ногти на ней острее. Будто птичья лапа.

Когда на нем одежда и перчатка, это незаметно. Со стороны и не поймешь, что с Тэо что-то не так.

– Кто он? Что он такое? – Бланка подалась вперед. – Кроме того, что это ваш друг. Тэо. Циркач. И все прочее, что вы смогли мне рассказать. Кто он?

Шерон потрогала лоб акробата, чувствуя сухую и горячую кожу под подушечками своих пальцев.

– Его история очень долгая.

– Я знаю небольшую часть.

– Знаешь?

– Да. Он пришел в Тавер, город, где правил мой отец, и убил моего младшего брата.

Шерон резко повернула к ней голову:

– Если это шутка...

– Он убил моего брата. – Легкое пожатие плеч. – Так было. В другой моей жизни. Не веришь, спроси, когда он проснется. Иан Эрбет, так его звали.

Мгновение указывающая размышляла и сказала куда резче и жестче, чем хотела:

– Что ты намерена делать?

Ярел, словно ощущая настроение хозяйки, пошевелился в своем углу.

– С ним? – нахмурилась Бланка. – О... Понятно, о чем ты. Я любила своего брата, но отнюдь не Иана. Иан был капризным, заносчивым и чванливым ублюдком, мы не разговаривали годами. Отец хотел содрать с акробата кожу, я же не имею такого желания. Моя месть закончилась на Шреве и Сегу, они стоили ее. Он – нет. Так что я не буду делать ничего, ну или просто поинтересуюсь у него, что случилось в ту ночь. Поговорить ведь мы можем?

– Я не та, у кого надо спрашивать разрешения.

Указывающая все еще хмурилась, думая, к чему все приведет и что скажет Лавиани, когда узнает.

– Так кто он? Тэо не человек.

– Чем он отличается? – Виски ломило, и девушка поняла, что устала, так как не спала с прошлого утра.

– Люди состоят из нитей, акробат же – клубок, который нельзя распутать. Черные тяжи и золотые. На него иногда больно смотреть.

– Он асторэ.

Бланка потеряла подбородок:

– Асторэ? Хм. Как та, что служит Горному герцогу?

– Возможно. Я не знаю.

– Я думала, эти существа уничтожены таувинами еще в прошлую эпоху и последние погибли, когда Тион победил и забрал магию из мира.

– Мир полон магии. – Шерон повторила знакомые слова, которые когда-то сказали и ей. Она взяла в руки неприятную книгу некроманта, расположилась напротив входа и, чтобы переменить тему разговора, попросила:

– Мне нужна твоя помощь, твой опыт. Здесь написано странное. Что великие волшебники самые большие лжецы в мире и не желают признавать очевидного о природе магии. Кажется, я неправильно понимаю значение слов.

– Что же. Давай посмотрим. Читай.

Зевут не был окружен стенами. К чему? Растянувшийся вдоль песчаного берега город являл собой не самое впечатляющее зрелище. Улицы узкие и грязные, с темными, провонявшими мочой переулками, с коричневыми домами из глины, дворами за высокими заборами и отнюдь не приветливыми жителями.

Кто-то из них работал на полях, кто-то искал удачи в море, а кто и сам ковал свою удачу, занимаясь делами не слишком праведными. Все как всегда. Все как везде. Лавиани повидала сотни таких мест, и они ничем не отличались друг от друга.

Море там. Рынок там. Неприятности – повсюду. И невелика цена, чтобы их купить. Порой достаточно пары медных монет при себе, косого взгляда или дурного настроения какого-нибудь шакала в человеческом обличье.

Впрочем, Зевут, пускай и гораздо меньший, ничем не отличался от некоторых районов той же Рионы или Пубира. Следует просто соблюдать правила в таких местах: быть внимательной, не лезть туда, где могут проломить голову, и не звенеть кошельком.

Казалось бы – справится даже младенец. Проще уж некуда.

– Рыба полосатая. – Лавиани, присев на корточки в смердящем тупичке, вытирала окровавленный нож о плащ какого-то проходимца.

Его товарищ сипел и булькал, зажимая двумя руками распоротое горло и вот-вот готовясь отправиться на ту сторону. Сойка посмотрела на умирающего без всякого сочувствия. Они схватили ее и толкнули в переулок, надеясь на легкую добычу. Тьма знает чего они хотели – монет или позабавиться, она не стала спрашивать.

Жалости не испытывала, ибо к ней никто из них жалость бы не проявил. Сдохли и сдохли. Очередной материал для экспериментов указывающей, будь она чуть более черствой, чем есть

на самом деле. Когда раздались шаги и появился третий человек, Лавиани оскалилась, собираясь прикончить и этого, но он быстро сдернул платок, прикрывавший его лицо, и она узнала Ярела.

Тут же сплюнула:

– Как видишь, я могу о себе позаботиться, Шерон.

Мертвый ничего не сказал, лишь бесстрастно таращился на нее пустыми глазами. С таким же успехом можно было бы беседовать с ночным горшком Борга.

Сойка сокрушенно вздохнула:

– Ну хорошо.

Теперь она шла по улицам в сопровождении мужчины с саблей на поясе, и больше никто не докучал ей. Лавиани по местной традиции скрывала лицо, не поднимала глаз, слишком ярких для этой страны, и без всяких проблем добралась до порта.

Это было не более чем название. Мелкая гавань, неспособная принимать крупные суда. Волнорезы из камней, брошенных на дно в металлических клетях, один причал, и дырявые лодки, вывощенные на берег.

И ни одного корабля.

– Рыба полосатая, – разочарованно процедила Лавиани.

Ярел смотрел на все происходящее безучастно.

Она расположилась под алычой, раскидистой, дававшей мягкую тень, на стволе которой застыли мутно-оранжевые капли смолы. Накинув на голову платок, сойка бросила Ярелу:

– Ты тратишь свои силы, девочка. Разумно ли это?

Мертвый, после некоторой паузы, склонил голову.

– Меня раздражает, что он за мной ходит. Следи за ним. Не желаю, чтобы он сорвался с цепи и впился мне в плоть.

Просидев пару часов, сойка в сопровождении покойника отправилась на рынок. Не торгуясь, купила небольшое лукошко куриных яиц, жадно съела их там же, размышляя о том, что день не так уж и плох.

Выйдя на маленькую пыльную площадь, она увидела четверых, что шли в ее сторону.

– Уверена, это по мою душу, – мрачно сказала она Ярелу, стоявшему за ее плечом. – Они всегда приходят по мою душу. Давай я сбегу, а ты будешь отдуваться? Или загрызешь их? Шерон? Ты все еще с нами?

Ей очень хотелось щелкнуть пальцами перед платком мертвеца, повязанным тому на лицо, но она сдержалась, обдумывая тактику. «Всех прирезать» довольно действенно, но излишне заметно. Это не парочку оборвышей в подворотне укокошить, гибель стражников не останется без внимания, да и рынок за спиной, слишком людно даже во вторую половину дня.

– Ладно, – скрипнув зубами произнесла она. – Послушаем, что им надо.

Со стороны торговых рядов появились еще двое, перекрывшие ей отступление, и Лавиани недобро прищурилась, но не стала браться за нож, спрятанный под всеми намотанными на нее карифскими тряпками.

Вместе с тем выглядели подхалимские не угрожающе. Смотрели с любопытством, за оружие не хваталось, и сойка понадеялась, что это обычная проверка слишком ретивых служаек, заметивших незнакомцев в своем городе и желавших разжиться несколькими мелкими монетами на вино.

– Госпожа. Господин. Мы из городской стражи, – сказал ей истекающий потом крепыш с намотанной на голову ярко-желтой чалмой. – Вы чужестранка. Ты ее провожатый? Как попали в наш город? Откуда пришли?

– Что-то слишком много вопросов к человеку, который не сделал ничего плохого.

Он посмотрел на нее из-под тяжелых век, решая, какую тактику выбрать. Настаивать? Или же объяснить? Или придумать какую-то байку? Или сразу потащить ее подальше от лиш-

них глаз? Взгляд метнулся к застывшему Ярелу, вернулся к Лавиани, и наконец-то Желтая Чалма произнес:

– Надеюсь, что ничего плохого. Прилетела птица с сообщением, что ищут опасных преступников. В каждом городе Карифа. Они женщины. Одна маленькая с серыми глазами. Другая рыжеволосая слепая. Третья беловолосая, старше их. Умышляли против его светлости, убили его верного советника, нарушили слово. Велено проверять всех подозрительных.

– И я, как полагаю, подозрительная, – пробормотала сойка, пальцы ее уже готовы были схватить нож, но Ярел внезапно вытянул руку, чем напугал Лавиани куда сильнее всех этих потеющих карифцев.

В руке мертвого на толстом бирюзовом шнурке покачивался золотой грифон.

– Знаешь, что это, любезный? – произнес мертвец, и сойка, не сдержавшись, вздрогнула, ошарашенно уставившись на него.

Она смотрела во все глаза, слыша в голосе Ярела совершенно знакомые интонации Шерон, а стражники таращились на дорожную побрякушку.

– Ну?! – рыкнул Ярел.

– Да, господин, – промямлил глава отряда и облизал пересохшие губы. – Знак милорда Архази. Все знают.

– Ну, раз знаешь, то не докучай нам. Что мы делаем, делаем с одобрения герцога и на пользу государства.

Желтая Чалма суетливо поклонился, потея еще сильнее, чем прежде.

– Мы сможем что-то сделать для вас, господин?

– Не мешайте. Занимайтесь своими делами.

Когда они ушли, сойка перевела дух и прошептала:

– От твоей игрушки, оказывается, есть настоящая польза, девочка.

Хмурясь, она смотрела на улицу, где скрылись стражники:

– Значит, соколы, да? Птицы, которые могут перелететь пустыню. Тут я просчиталась. Мы должны исчезнуть сегодня, пока птахи не полетели в обратном направлении.

Она вернулась на берег, напряженно думая: не стоит ли уехать, не дожидаясь кораблей? На север, до следующих городков? Но потом остановила себя.

Бессмысленно и глупо. Они будут носиться по побережью, словно стайка испуганных крысенышей из разоренного гнезда, и в итоге их найдут и перебьют. Или же отправят обратно в Эльват, что по сути то же.

Нет. Нужна лодка. Самая захудалая. Самая дырявая. Какая, шаутт ее дери, угодно, но чтобы она увезла их как можно дальше от земли, где правит эта мстительная змеюка, «благородный» герцог.

Когда на вечернем горизонте наконец-то появились паруса, сойка едва не вскочила на ноги. В порт возвращались рыбацкие дхау – пузатые, неуклюжие на первый взгляд, но прочные и легкие, с невысокой мачтой и одним трапециевидным парусом.

Это было лучше, чем ничего, но конечно же не тот корабль, который с легкостью пересечет море. Подобные обычно ходили вдоль обжитых земель, и отправиться через Лунный залив на таком можно было, только если море обещало остаться спокойным.

Причалив, рыбаки стали выволакивать сети, кувшины, с помощью которых ловили осьминогов, ящики с уловом. Из города потянулись телеги, подвозившие невесть где хранившийся лед.

Лавиани внимательно наблюдала, отмечала людей, просчитывала, кто из них кажется более сговорчивым, кто согласился бы на долгое путешествие в Треттини? Кто нуждается в деньгах? Кто выглядит более подходящим?

Она вспомнила свое путешествие с Тэо через море Мертвецов, страшный шторм, крушение, схватку с уинами на глубине. И тупой экипаж, отказавшийся переждать день-два на островах из-за мнимого страха перед репутацией Летоса.

Не хотелось бы повторения прошлой истории.

Она уже выбрала, когда увидела обшарпанный багал, идущий с севера. Корабль куда более быстрый, надежный, пускай и тоже одномачтовый. Небольшой, с надстройкой на корме и многое повидавший на своем веку.

Отличный вариант для тех, кто занимается контрабандой. И груз возьмет, и не особо приметен, и довольно проворен, чтобы уйти от большинства лихих людей, бороздивших море.

Корабль остановился у входа в гавань, за линией волнорезов, не рискуя забираться на мелкое дно. Через полчаса спустили шлюпку, и сойка подалась вперед, рассматривая троицу. Двое на веслах, один сидел на корме. Все в карифских тряпках: грубых рубашках с закатанными рукавами, коротких широких штанах, клетчатых платках на головах. Смуглые, просоленные морским ветром, не улыбочивые люди выпрыгнули в воду, выволокли лодку на теплый песок и хмуро осмотрели берег.

Те, кого они искали, не появились, и у Лавиани возникла мысль. Шанс был, пускай и не очень большой, но она решила рискнуть. Не получится – что же. Повернет разговор в нужную сторону. Но лучше попробовать, чем потом жалеть о несделанном.

– Караван не пришел, – подойдя к морякам, сказала им сойка.

Ее осмотрели с ног до головы. Затем молчаливого Ярела, скрывавшего лицо за намотанным платком. И ничего не ответили, ожидая продолжения.

– Ирифи бушевал почти неделю, люди и звери не смогли преодолеть пустыню. Ай Шуль не придет и не привезет груз.

Опять никаких слов в ответ. Никто не спросил, кто она и откуда знает об этом. Лишь равнодушие читалось в их глазах.

– Феннефат жестока к путникам, – наконец сказал один из них, и Лавиани услышала легкий треттинский акцент человека, долго прожившего в чужом герцогстве.

Они повернулись, чтобы отправиться в сторону расположенной у пирса открытой веранды, где наливали калыгэ и готовили кальмаров на углях.

Разговор был окончен.

– Возможно, вы возьмете другой груз?

Еще один взгляд, такой же равнодушный, как и все прежние.

– Прости, мать. Видят Шестеро, но ты спутала нас с кем-то. Мы торговцы, идем из Ад-Дубайаха в Эльган, домой. И нам не нужны грузы.

– Нас четверо, – произнесла сойка, все так же неспешно и веско, ничуть не смутившись отказу. Подумала, что тьма поймет, как считать Ярела. Шерон так и не посвятила ее в свои планы насчет этой ручной опасной куклы и на всякий случай добавила:

– Возможно, пятеро.

– Не берем пассажиров, мать. Прости.

Они неспешно пошли по песку, вдоль самой кромки едва колышущегося прибоя, и теплая, точно бульон, вода лизала их ступни.

– Сорок марок. – Сойка назвала просто чудовищную сумму.

Никто из них не сбился с шага. И она мысленно поаплодировала им. Гвозди, а не люди. Обычно карифцы обожают торговаться и устраивать базар, особенно когда на кону столько монет.

Усмехнувшись, она вернулась под деревья. Спешить было некуда.

Едва край солнца коснулся горизонта, моряки возвратились из таверны. Они несли несколько пузатых бутылей, оплетенных соломой, и клеть с курами. Негромко разговаривая,

стали грузить добытое в лодку. Тот, что говорил с Лавиани, подошел к ней, покосился на не шевелившегося Ярела.

Она чуть приоткрыла веки, давая теперь уже контрабандисту начинать беседу:

– В городе говорят, что пришли туаре из каравана Ай Шуль. Без груза, без седоков.

– Я не лгала. Вам незачем ее ждать.

– Вы знакомы?

Она медленно кивнула.

Он принял это скупое объяснение и сказал, наблюдая, как готовят лодку к отплытию:

– Мои друзья сомневаются, что у тебя при себе столько денег, мать.

– Вполне разумные опасения, – равнодушно протянула она, не отведя взгляда.

Она неплохо разжилась, почистив мертвых в пустыне. С деньгами сойка никогда не имела особых проблем и, едва они заканчивались, всегда находила тот или иной способ, чтобы пара монеток оказывалась в ее кармане. Но сейчас она не планировала показывать желтые кругляшки, да и при себе у нее было всего лишь несколько.

Пауза затягивалась, но Лавиани не спешила, и собеседник улыбнулся уголком рта, не став настаивать:

– Куда вам надо?

– Риона.

Человек прищурился, затем словно бы покатал это слово во рту.

– Риона... Риона очень далеко, мать. «Повелительница каракатиц» не пересечет Лунный залив в это время года. К тому же возле Пьины флот перекрыл самый верх Горла.

– Почему?

Пожатие плеч:

– Шаутт знает этих алагорцев, мать. Говорят, большая война будет, но, как по мне, Торговые Союзы сражаются за права гильдий. В любом случае, сейчас без пропуска мы не пройдем.

Он потер подбородок, на котором был небольшой белый шрам.

– Мы можем пойти вдоль побережья Карифа, затем Дагевара и пересечь низ Горла, пристав к восточному берегу Треттини.

Лавиани недовольно поджала губы.

– Восточное побережье этой части герцогства безлюдно. Весь Зуб. До Рионы мы будем добираться столько же, сколько и отсюда.

– Не безлюдно, мать. Люди живут везде, даже в таких плохих местах, и побережье безопасно. Насколько может быть безопасно на пустых трактах.

Выбор довольно... тухлый. Им надо было покинуть Кариф как можно быстрее, и лучше уж так, чем никак. Хотя ее и напрягало путешествие по границе этого герцогства. Второй тревогой был восток Треттини. Она знала, что люди туда не ходят, что там сплошные горы да каменистые пустоши и никакого жилья со времен Катаклизма. Мир слишком огромен даже после раскола Единого королевства, чтобы его населили.

– Горло перекрыто, но есть и запад. Довезите нас до Вьено.

– Ты не слушаешь. Корабль не позволит пересечь Лунный залив. Он слишком старый, это опасно. Идти надо вдоль берега. – На всякий случай моряк стал показывать пальцем, ведя по несуществующей границе. Вверх. Кариф и Дагевар. Палец резко дернулся горизонтально, рассекая Горло, что соединяло залив и Жемчужное море, а затем пополз вниз, уже по побережью Треттини. – Очень долгая и длинная дорога.

– Больше я не заплачу.

– Я и не прошу. Ты даешь хорошую цену, но люди устали, да и «Повелительнице каракатиц» требуется отдых. Хочешь, высадим тебя раньше. Где-нибудь в Дагеваре. Найдешь другой корабль, но Горло у Пьины вам не пересечь. И денег это будет стоить столько же.

– Нет уж, – буркнула сойка, поднимаясь на ноги. – Вези до Пьины. Когда вы отплывете?

По песку уже протянулись длинные тени, а утесы за городом стали наливаться алым.
– С рассветом. И да. Мы выкинем вас в воду, если денег не окажется.
– Удивительно честно, – нехорошо усмехнулась Лавиани. – Честные люди в нашем мире столь же редки, как эйвы, некроманты и великие волшебники.

Улицы Зевута с наступлением сумерек пустели с катастрофической скоростью. А тьма приходила еще стремительнее. Прибрежный город засыпал, едва только ночь легко взмахивала непроглядно-черным плащом, и тем самым он сильно отличался от Эльвата.

Лавиани, сторбившись, быстро шла, и Ярел мрачным силуэтом вышагивал за ней. Сойку бесило, что мертвый так близко от нее, что она не слышит его дыхания и как бьется его сердце. Это раздражало и вызывало... чувство дискомфорта.

А у Лавиани мгновенно портилось настроение, если ей было некомфортно и кто-то дышал в затылок. Ну... хорошо. В данном случае не дышал.

Воздух возле ее уха вздохнул, щеку обдало ветерком, и арбалетный болт, прошедший в палец от головы, с противным чпоканием ударил Ярелу точно под правую ключицу. Звук был такой, словно кто-то попал в мясную колоду.

Лавиани сделала единственно возможное в данной ситуации. Крутанулась на пятках и нырнула за мертвого, сторбившись, стараясь стать как можно меньше.

Еще один удар, от которого Ярел пошатнулся, но устоял. Болт пробил его насквозь, и широкое острое едва не оцарапало щеку Лавиани.

– Рыба полосатая! – ругнулась она и, схватив свой «щит» за тряпичную куртку, потянула на себя и за собой, не ожидая никакого успеха, опасаясь, что Шерон не все время рядом, занята какими-то другими делами или вовсе спит, контролируя этот кусок мяса лишь частью своего сознания.

Но он на удивление легко поддался, посеменил следом, к узкому переулку. Лавиани юркнула туда в тот момент, когда третий болт вошел Ярелу в шею.

Сойка на подобных делишках собаку съела, так что легко сделала выводы. Стрелков двое, один находился на ее пути и первым делом избавился от мужчины, как от самого опасного, на его взгляд. Второй сидел на крыше, так как вторая арбалетная стрела застряла под крутым углом.

Оба, без сомнения, профессионалы. Каждый произведенный выстрел оказывался смертельным, и эти ублюдки небось недоумевают, чего парень все еще на ногах.

Усмехнувшись про себя, Лавиани быстро обернулась, увидела, что через сто ярдов проулок заканчивается, шагнула туда и застыла, когда выход закрыли два темных силуэта. Этих людей, несмотря на ночной мрак, она благодаря своему зрению узнала.

Стражники, подходившие к ней на рынке. Значит, гриф на бирюзовом шнурке не больно-то и помог. Либо они разобрались в происходящем, либо кто-то все решил за них. Возможно, как раз стрелки, которые кажутся куда опытнее обычной городской стражи. И так, по самым скромным подсчетам, шестеро.

Не лучший расклад.

Лавиани похлопала Ярела по плечу, словно бы испытывала симпатию к этому созданию, буркнула на прощанье, надеясь, что указывающая ее слышит:

– Счастливо оставаться!

Времени было в обрез, и она не собиралась мешкать, ожидая, когда арбалетки сменят позицию или стражники разглядят ее во мраке. Сражаться одновременно с таким количеством не входило в ее планы, к тому же на лопатке были не все татуировки, и имевшиеся она склонна поберечь.

Заборы справа и слева от нее возвышались на два с половиной человеческих роста. Находя пальцами ямки между камней, она быстро и ловко забралась на самый верх, едва не

распоров себе ладони об острые грани крупных кусков битого стекла, которые защищали от незваных гостей. Секунду сойка балансировала на четвереньках, быстро осматриваясь и гадая: не видно ли ее, пускай вокруг темно? Лучшего места, чтобы словить стрелу, нельзя и придумать. Она здесь точно жирная курица на насесте.

Скосила глаза вниз, хмыкнула, так как Ярел сидел привалившись к стене и не шевелился.

Во двор Лавиани спускаться не стала, боялась потревожить псов. Пошла по кромке забора, морщась, когда под ботинками хрустело стекло, и делая про себя ставки – спустит ли Шерон свою ручную игрушку на тех глупцов, что рискнут подойти?

Раньше сойка с уверенностью сказала бы, что нет. Но люди меняются. И порой к лучшему.

Плоская крыша следующего здания оказалась напротив, и женщина легко перепрыгнула на нее, опять пригнулась, наконец-то увидела тех, кто ждал на улице. Трое здесь, двое закрывали переулок. Пятеро. Еще где-то должен быть последний. И... два стрелка? Всего семеро? Или их больше?

Задача...

Она бы с радостью ушла, позволила им и дальше сторожить пустоту, но... Стражники не опасны, их всегда можно обвести вокруг пальца, а вот те, кто стрелял, – таких за спиной лучше не оставлять. Особенно если с тобой путешествуют сущие дети, да еще и придется их вести в гавань едва ли не за ручку.

Лавиани собиралась уменьшить риски единственным известным ей способом.

– Эй! – крикнули из переулка. – Он мертв!

Она поняла, что нашли Ярела.

– А женщина? – Никто из них и не думал скрываться. Голос пришел с другой крыши.

– Что-то ее не видно.

– Так открой глаза пошире, идиот! Герцог тебе дает монеты не за то, чтобы ты финики жевал!

Раздался испуганный вопль, оханье, бульканье, крики.

– Тьма!

– Да как же?!

– Руби его! Руби!

– Что ты смотришь?!

– Да помоги ему!

– Умри ты наконец! Умри!

– Шестеро спаси нас!

Лавиани нехорошо усмехнулась, понимая, что Ярела спустили с поводка. Что же. Меньше работы.

Она ждала, радуясь, что в домах не зажигается свет и никто не спешит выходить на улицу. Слышала, как кто-то захрипел, а кто-то бросился прочь, вопя от ужаса.

– Да что там у вас творится?! – Напротив, на фоне темного неба появился еще более темный силуэт.

Ответа не последовало.

Из-под рубахи Лавиани вытащила один из метательных ножей, задумчиво взвесила его на ладони, словно хищный зверь, оценивая расстояние до цели.

Нет. Далековато.

Ей пришлось прыгнуть на соседнее здание, по верху которого было натянуто множество веревок для сушки белья. Стрелок стоял к ней спиной, вытягивая шею, пытаясь понять, что происходит на улице.

Она сделала осторожный шаг к нему. Затем еще один. Ничем не выдала себя, ни шорохом, ни звуком. Даже дышала едва-едва. Но он был из таких, кому не случайно платят полновесными марками за чужие жизни.

Несмотря на все предосторожности, наемник резко обернулся. Лавиани швырнула нож, а арбалет – выстрелил. На секунду они застыли друг напротив друга, не веря, что оба промахнулись. В следующую секунду сойка скакнула к человеку, выхватывая свое основное оружие – старый клинок, доставшийся ей от отца ее сына в те времена, когда она была молода и жила надеждами.

Противник не дрогнул, шагнул к ней, и, как бы быстра ни была сойка, ловко поймал ее запястье своей лапой, не давая завершить удар. Она зашипела, врезала ему в челюсть левой рукой, он охнул, отшатнулся, но хватку не ослабил, наоборот, притянул к себе, одновременно смещаясь, чтобы она оказалась у края.

Лавиани не собиралась падать. Не в эту ночь. Подпрыгнула и оплела его бедра ногами, боднула головой, отмечая громкий щелчок, когда его носовая кость не выдержала.

Даже несмотря на боль, он не разжал пальцев, помнил о ноже, пошатываясь отошел от края. Сойка висела на нем, как собака на медведе, не собираясь пользоваться талантом. Упорного гада она прикончит без всяких фокусов, это, можно сказать, вопрос самоуважения.

Кто-то схватил ее за плечи, рванул назад, обдав вонью лука изо рта.

– Держу!

Лавиани выгнулась, пытаясь крепче прицепиться, но ее ноги расплелись, мир перевернулся, и она откинула голову назад, врезавшись затылком во что-то твердое.

– Ох! – простонали над ухом.

Ей показалось этого мало, и, рыча, она ударила еще раз. И еще. И еще!

Пальцы отпустили ее, сойка вспомнила о ноже в руке, ткнула, не глядя, почувствовала, как лезвие задело ребро, а затем прошло дальше.

– Шестеро! – проскулил убийца, разом забыв о ней.

Она прыгнула к первому, губы и подбородок которого стали темными от текущей из сломанного носа крови, и он, глядя зло, поднял ладонь и дунул. Лавиани отпрянула, моргнула и чуть не взвыла, когда глаза и носоглотку обожгло огнем.

Сойка потеряла всякое представление о том, где находится, куда движется и лишь шипела из-за кинутого в лицо перцового порошка. Шагнула назад, нога поехала на чем-то скользком. Еще шаг, и она споткнулась о раненого, скрючившегося на крыше, пытавшегося удержать внутренности. Услышала топот подошв, второй гад собирался ее прикончить.

Крыша не выдержала одновременного нахождения трех человек в одной точке, и на мгновение Лавиани оказалась в воздухе, успев подумать, что такой душой она себя давно не чувствовала... Удар выбил из нее весь воздух. Сойка валялась среди кусков кровли, штукатурки, досок с торчащими гвоздями, скрипя, точно раздавленный жук. Из глаз потоком текли слезы, из носа сопли, гортань раздирали бешеные кошки, вот-вот готовые забраться к ней в мозг и взорвать голову изнутри.

Рядом вяло копошился и хрипел один из противников. На груди лежало что-то тяжелое, слабо подергивающееся. В спину впилось нечто угловатое, и, когда сойка пошевелилась, острое, проколов рубашку, поцарапало лопатку.

Она застыла, затем на ощупь стянула с себя ногу умиравшего и осторожно перевернулась на бок, часто моргая, пытаясь прогнать проклятые слезы. Арбалет того, кого она зарезала, обнаружился прямо под ней, и счастье, что механизм не сработал, когда Лавиани на него грохнулась.

Внизу раздавались испуганные, но не очень-то громкие крики разбуженных жильцов. Тень поднялась рядом с ней, ругаясь на карифском, и сойка швырнула очередной метательный нож, почти наугад, в дрожащий, расплывающийся из-за слез силуэт.

Она решила, что не достигла цели, но через секунду рядом глухо рухнуло тяжеленное тело здоровяка. На лицо попали мелкие капельки крови.

Лавиани плюнула, не глядя вытерла глаза рукавом изрядно испачканной и порванной рубахи, но стало еще хуже, туда словно углей положили.

– Рыба полосатая! – не проговорила, а провыла она. – Сучий потрох!

Оглушительно чихнув, сойка подумала, что попалась на примитивный ход, точно нови-чок. Также появилась мысль, как будет смешно, если ей придется умереть от того, что мозг вот-вот сгорит в бушующем в ней пожаре.

Громила негромко сипел, скрипел, точно рассохшиеся доски пола, с трудом втягивая в себя воздух.

– Сейчас, – бормотнула Лавиани, но язык распух и стал непослушным, так что получилось «бляяс».

Она бы посмеялась над кем-нибудь другим, заговори он так, но тут ей было не до смеха.

– Бляяс, – повторила женщина, вслепую шаря пальцами по полу, на котором расплзлась горячая лужа чужой крови. Она порядком в ней извозилась, не только руки, но и колени и локти, бока и грудь. Любой нормальный человек, встретив ее, усомнился бы в том, что Лавиани нормальная. Конечно же такое присуще лишь безумцам, да каннибалам.

Наконец пальцы нащупали знакомую рукоятку ножа.

Одним быстрым движением, встав на колени, сойка перерезала раненому горло. Полилось еще больше крови, но тут уж ничего не поделаешь. Чуть больше, чуть меньше. Следовало исходить из того, что кровь чужая, так что не жалко.

В другое время она бы задала несколько вопросов. Кто они? Как их нашли? Почему ждали в этой дыре? Почему гриф на бирюзовом шнуре не сработал? О, сколько вопросов, на которые ей требовались ответы.

Но ситуация, в которую она угодила, не располагала к беседам.

Встав, Лавиани сделала шаг, едва не споткнувшись о тело первого убийцы. Вспомнила об арбалете, подняла небольшую савьятскую игрушку, направилась к лестнице. Едва не скатилась по ней, промахнувшись ногой мимо ступеньки, плюясь и сморкаясь. Те, кто жил здесь, оказались невероятно разумны и не лезли под руку. Даже не появились, забаррикадившись в одной из комнат.

Сойка была им за это премного благодарна, ибо совершенно не хотела общаться с кем бы то ни было.

Она с трудом видела очертания комнаты, постоянно смаргивая слезы. Лавиани про себя усмехнулась – давно ей не доводилось столько плакать за одну ночь.

Что-то ударило в надежную крепкую входную дверь, и та содрогнулась.

Женщина подняла арбалет. Петли не выдержали, их вырвало вместе со створкой, рухнувшей в помещение. Тетива щелкнула, и болт угодил ворвавшемуся куда-то под грудь. Было слышно, как треснуло ребро от удара, но незваный гость не упал, лишь пошатнулся, шагнув к ней.

– Ошиблась, с кем не бывает, – пробормотала сойка, но на деле издала лишь какие-то шипящие звуки вместо слов и решила, что глупо извиняться перед мертвецом.

– Вкус, точно жую старую подошву. – Лавиани ощущала себя верблюдом, который безостановочно плюется.

И слюна у нее была темно-синей, когда Шерон сунула ей какой-то странный корешок, извлеченный со дна сумки. Вид у него был неаппетитный, но сойка старательно жевала, пока огонь в ее крови не угас.

– Тебе повезло. – Бланка стояла в дверях, опираясь на посох. – Мутский ледяной перец опасная вещь. Будь концентрация чуть больше, и ты могла ослепнуть. Двое слепых в одной компании – это уже перебор.

Лавиани мрачно посмотрела на рыжеволосую, чувствуя, как пылает кожа на лице.

– Понимаешь в ядах?

Бланка хмыкнула, думая о чем-то своем, непостижимом.

– Мой муж, да и твой знакомый Сегу, сделавший со мной... – бледная рука коснулась повязки, скрывавшей пустые глазницы, – могли бы рассказать об этом гораздо больше.

Лавиани оскалилась, сотворив нечто похожее на улыбку:

– Хороший повод не пить с тобой вино. Рассветет через час, и нам надо пошевеливаться. – Она посмотрела на Тэо, который сидел привалившись спиной к грязной стене. Глаза у него были сонные, и говорил он с трудом. – Ты точно в состоянии идти, мальчик?

Акробат, помедлив, словно прислушивался к чему-то, кивнул и сказал тихо:

– Я дойду.

– А потом снова заснешь? Долго это еще будет длиться?

Он не ответил, радужки, сейчас казавшиеся золотистыми в свете масляного фонаря, сверкнули.

Лавиани тяжело вздохнула и снова сплюнула. Что ей еще оставалось?

– Мне нужно несколько минут. – Шерон перебросила свою выдавшую виды сумку через плечо, подтянула ремень. Книга Дакрас была не самой легкой ношей.

Во всех смыслах.

– Ты одолжишь мне нож, Лавиани?

Сойка с сомнением вытащила из ножен клинок, подержала в руках, но все же протянула указывающей.

– Подумать только, – проворчала она. – Всего лишь несколько лет назад я не доверила бы его ни единому человеку. Что ты собираешься делать?

Она спросила не зря, так как Ярел, стоявший на улице, вошел в круг света. Вид у него был не очень. Вокруг рта запеклась чужая кровь, куртка разорвана, болты все еще торчали в нем.

Те, на кого он напал, оборонялись, сражаясь мечами, и это худшим образом отразилось на цепном псе указывающей. Ему развалили плечо до ключицы, и несколько ударов угодили в голову. Один разрубил нижнюю челюсть так, что ее перекосило, вывернуло, и серая кость торчала из темной плоти. Другой снес всю правую часть лица, повредил глаз, срезал щеку, и теперь были видны удивительно белые зубы...

Выглядел бывший воин карифского герцога пугающе.

– Ты не берешь его с собой, – догадалась сойка.

Девушка кивнула:

– Он выполнил свою задачу уже несколько раз. Поддержка в нем жизни есть мои силы. Да и на корабле люди из экипажа заметят, что с ним что-то не так. Большой риск, ни к чему это.

Лавиани согласно проворчала, не спуская взгляда со своего ножа. Ярел, подчиняясь неслышному приказу, принялся раздеваться. Снял куртку, затем рубашку и безучастно повернулся к своей хозяйке спиной.

Глава четвертая

Следы богини

Милость ее безгранична, ибо дарует она нам самое ценное – память.

Так повелось с начала появления Храма. Со дня первого камня, обтесанного ее желанием, что лег в основу нашего дома. И когда она ушла, мы поклялись хранить ее слова и ждать дня, что уготован.

Мы – шепот ее губ. Мы – эхо ее дыхания. Мы – отражения ее лучистых глаз. Мы – слезы, что она пролила, потеряв сестру. Мы – отринувшие себя, свои желания, надежды и мечты. Ибо служим лишь цели, что она дала нам и молила исполнить, дабы спасти мир. И разрушить его. И снова спасти. Мы – ее пальцы, ее песни. Мы – дэво, следы богини на песке проходящих эпох.

Первая молитва Храма, читаемая во время восхода полной луны

Руки у служанки были проворные и ловкие. Старательные. Они втирали в длинные черные волосы Яс аргановое масло – и те отяжелели, тянули голову назад и пахли так, как нравилось.

Ему нравилось.

Но он уже давно не зарывался в них лицом, не говорил, что она луна его сердца. Слишком давно.

Думая об этом, Яс ощутила разочарование. Раздражение. Печаль. И злость. Всего понемногу. Эмоции накатывали волнами и отступали. Обжигая, охлаждая, терзая и утешая. Прилив ее жизни, этого часа, бесконечный и капризный.

Служанка зацепила один из волосков и случайно дернула. Не так уж и больно, особенно если сравнивать с невидимыми ранами на сердце, но неожиданно и... не вовремя. Яс зашипела сквозь зубы, бросила взгляд в зеркало и увидела, что женщина за ней вздрогнула, опустила голову и плечи, едва не зажмурилась, но нашла в себе силы произнести:

– Простите, ваша светлость.

– Посмотри на меня.

Служанка сделала то, что было велено, и их глаза встретились через отражение.

– Твое имя?

– Мара, ваша светлость. Я служу в Женском Углу двенадцать лет.

– Если ты будешь и дальше столь невнимательна, Мара, я расстроюсь. Будь добра закончить работу.

И служанка продолжила, опуская ладони в глубокую миску из желто-зеленого оникса, набирая в них ароматное масло и перенося его на великолепные волосы госпожи, которыми та не без причины гордилась. И которые нравились не только ее солнцу, но и названным сестрам.

«Я расстроюсь».

Про себя Яс усмехнулась, хотя смуглое прекрасное лицо осталось бесстрастным, словно отлитое из бронзы. Отец всегда говорил ей, что страшные угрозы – удел глупцов.

«Я вырву тебе язык». «Разорву собаками». «Отрублю каждый палец». «Выпотрошу». «Высеку». И так далее. Слова, что сотрясают воздух. Они бессмысленны. И не требуются умному человеку. Он не должен принижать себя, наступая босыми ногами в свиное дерьмо. Нет. Это ниже достоинства, тех, кто не касается земли.

Людей благородных.

«Я расстроюсь» вполне достаточно. Эта фраза оставляет провинившемуся бесконечный простор для воображения. Разумеется, воображение у некоторых примитивно и неуклюже, ну и что с того? Не дело Яс объяснять слугам простые вещи.

– Ваша светлость предпочитает свою обычную прическу?

Она скосила глаза вверх, на цветной стеклянный потолок, оценивая положение солнца.

– Да.

Служанка кликнула помощниц, и те начали долгую работу. Брала из ларца жама-лак – длинные нити из черного шелка, с кисточкой и черной жемчужиной на конце, заплетали волосы в косички и, когда те достигали середины, вплетали нити, а затем с их помощью закрепляли туго перевитые пряди, оставляя лишь маленький хвостик.

В Дагеваре сорок косичек позволялись лишь девочкам, да девушкам. Замужние женщины носили две косы. Кариф, извечный противник Дагевара, следовал иным традициям. Здесь благородная замужняя карифка, подарившая наследника, имела право на сорок. Яс, как и возродительница Женского Угла, величайшая герцогиня Ясмин, Любимейшая из Четырех, Та-что-даровала-воду и Сплотила Нацию, гордо носила шестьдесят кос.

Такая прическа занимала время. Требовала сил и терпения. Была предметом зависти всех женщин дворца. Ее сестер. Даже Кари. И это не отобрали у нее даже после того, как случилось то, что случилось. Никто не посмел.

Ибо она мать наследника. Того, кто придет следующим, заменит своего великого отца. И отобрать подобное право у женщины не осмелится даже муж.

Шестьдесят. Ее знамя. Ее гордость. Ее сила. Ее превосходство над всеми.

Потому что мать любимейшего сына – это всегда мать. Какую бы провинность она ни совершила.

Явную или мнимую.

Когда все было закончено, Яс встала, позволив вытереть с плеч, спины и груди масло, а затем одеть себя. Щелкнула пальцами, отпуская служанок. Те, кланяясь, покинули залу едва ли не ползком. Придирчиво оглядев себя, она осталась довольна увиденным. Простая одежда Карифа шла ей, делала еще прекраснее. Рубаха из тонкого черного шелка и широкие штаны. Идеально. Кария предпочитает вычурные платья, и, видят Шестеро, они ей идут. Мэриэтт, дай ей волю, влезет в доспех, и, приходится признать, кольчуга делает ее желанной для герцога ничуть не меньше шелка, текущего по масляному телу.

Каждая из тех, кого выбрал правитель и назвал своей луной и звездами, хороша в чем-то своем.

Но лишь Яс плоть от плоти Карифа. Его песок. Его ночь. Его соль и благовония. Финики, сладость, яд и оазис.

Она пошла вдоль бассейна, слушая, как вода стекает в него по желобам, как журчит, как звенит смех девушек. Когда проходила мимо, те замолкали. Опускали глаза, но Яс знала, украдкой они провожают ее взглядами, а потому держала спину прямо, а подбородок вздернутым.

Многие из них злорадствовали. Как же иначе? Герцог отвернулся от любимейшей из жен. Перестал видеть ее. Перестал звать на свое ложе. Перестал слушать советы. Отдалил от себя. Забыл. Лучше и не придумашь. Не пройдет и нескольких месяцев, как Яс, эту невысокую суку, скорпионью гадину, вышлют из Эльвата куда-нибудь на юг, в крепость Бартах аль-Зами, например. А может, и в один из оазисов Дремотного Зноя. Как можно дальше от дворца.

Дни власти Яс миновали.

Никто из них больше не разговаривал с ней. Отворачивался. Не замечал. Не жаждал ее внимания, не ловил взгляд или тень улыбки. Ее слишком быстро списали со счетов.

Даже слуги, пусть и исполнительные, как прежде, шептались или позволяли себе слишком уж дерзкие взгляды. словно время герцогини прошло.

Словно она никто.

Яс старательно всех запоминала. На будущее. Чтобы сторицей вернуть им пренебрежение, ответить в тот момент, когда муж ее вспомнит, простит и вернет свою благосклонность.

Лишь двое остались с ней такими же, как прежде. Кария и Мэриэтт. Они единственные, кто осмеливался приходить в ее покои, не страшась гнева и недовольства мужа. Ибо сестрами они были настоящими, пускай в них и текла разная кровь. Яс – Кариф. Кария – Лоскутное королевство. Мэриэтт – Алагория.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.